

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Юрий Вронский

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КУКШИ ИЗ ДОМОВИЧЕЙ

М Machaon

Классная классика

Юрий Вронский

**Необычайные приключения
Кукши из Домовичей**

«Азбука-Аттикус»

1974

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Вронский Ю. П.

Необычайные приключения Кукши из Домовичей /
Ю. П. Вронский — «Азбука-Аттикус», 1974 — (Классная
классика)

ISBN 978-5-389-23745-2

Историческая повесть «Необычайные приключения Кукши из Домовичей» рассказывает о странствиях двенадцатилетнего мальчика Кукши. Главный герой попадает в плен к варягам и покидает родную деревню. Кукшу ждут опасные плаванья, жестокие сражения, дальние страны и знакомства с легендарными личностями. Мужественно выдержать все испытания герою помогает неугасаемое стремление вернуться домой, к матери и сёстрам. Любовь к родине подобно маяку ведёт его к желанной цели, где бы он ни находился. Приключения Кукши захватывают внимание с первых строк: блестящий слог, мастерски выстроенный сюжет, основанный на событиях из истории России, не дают оторваться от повести ни на секунду. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-23745-2

© Вронский Ю. П., 1974
© Азбука-Аттикус, 1974

Содержание

«Ничего нет на свете нужнее родного дома»	7
Часть 1	9
Вступление	10
Глава первая	12
Глава вторая	16
Глава третья	17
Глава четвёртая	18
Глава пятая	20
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Глава восьмая	28
Глава девятая	31
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	36
Глава двенадцатая	38
Глава тринадцатая	39
Глава четырнадцатая	40
Глава пятнадцатая	43
Глава шестнадцатая	46
Глава семнадцатая	48
Глава восемнадцатая	49
Глава девятнадцатая	50
Глава двадцатая	52
Глава двадцать первая	53
Глава двадцать вторая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юрий Вронский

Необычайные приключения

Кукши из Домовичей

© Вронский Ю. П., наследники, 2021

© Богачёв Ю. Н., иллюстрации, 2021

© Оформление, вступительная статья. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,
2021

Machaon®

Художник Юрий Богачёв

* * *

«Ничего нет на свете нужнее родного дома»

Более двенадцати веков назад на земли возле озера Ильмень (современная территория Новгородской области России) пришли неизвестные в этих краях люди. Обосновавшись на новом месте, они получили название «ильменские словене» и стали самым северным из славянских племён. Их близкими родственниками были кривичи, вятичи, поляне, древляне и многие другие племенные союзы, жившие южнее и составившие основу будущей Киевской Руси. А вот по соседству со словенами обитали совсем неродственные им финские племена: весь, водь и карела. Вероятно, именно поэтому новые жители называли их чудью – от слова «чужой», поскольку те говорили на непонятном для словен языке.

Однако основная опасность исходила вовсе не от миролюбивых финских народов, с которыми у переселенцев сложились добрые отношения, а от грозных скандинавских воинов – викингов, которых на Руси называли варягами. Нанимаясь в дружины для сбора дани, они часто совершали жестокие набеги на словенские деревни, грабили их и даже уводили людей в рабство.

Похожие события становятся началом увлекательной исторической повести Юрия Петровича Вронского (1927–2008) о приключениях Кукши – двенадцатилетнего отрока из словенской деревни Домовичи, жившего в IX веке. Стремясь отомстить варягам за кровную обиду, храбрый мальчик попадает к ним в плен и совершает удивительное путешествие. Вместе с добродушным Тюром, бесстрашным Свавильдом и мудрым Хаскульдом он побывает у ладожского князя Орвара Стрелы и норвежского конунга Хальвдана Чёрного, совершит морское путешествие на драккаре и даже поучаствует в настоящих битвах! Расставшись с викингами, мальчик попадёт в столицу Византийской империи – величественный Константинополь, где обучится новым ремёслам и языкам. Но даже там он будет очень скучать по своей родной деревне, матери и сёстрам.

Как и Кукша, Юрий Вронский был разносторонним человеком и не любил сидеть без дела. Он успел поработать на военном заводе, поучиться в финансовом техникуме и Литературном институте. Последнее место и определило его судьбу. Окончив в итоге Московский педагогический институт, Вронский не только серьёзно изучил историю России и Скандинавии, но и стал прекрасным писателем и знатоком зарубежной литературы. Помимо исторических повестей, рассказов и баллад о Древней Руси, он создавал прекрасные детские стихотворения и переводил с английского, немецкого, датского, румынского и польского языков. Переводы норвежских стихов и песен писатель делал вместе со своей супругой Любовью Григорьевной Горлиной (1926–2013), которая была профессиональным скандинавистом.

Другой страстью Юрия Петровича были путешествия. В молодости из-за несчастного случая Вронский лишился ноги и мог передвигаться только на костылях, но даже это не сломило его волю и не заставило отказаться от любимого занятия. Благодаря своей густой бороде писатель сам был похож на бывалого викинга – выносливого воина и моряка. За свою жизнь он успел побывать в Сибири и на Валдайских озёрах, ходил вместе с поморами на вёслах по Белому морю, пробирался через заболоченную тайгу Карелии. Вронский любил разговаривать с жителями этих мест, изучал их быт, записывал незнакомые слова, мудрые пословицы и меткие поговорки. Именно поэтому природа и культура северного края так подробно и правдиво описана в его произведениях. Кстати, свою любовь к норвежской поэзии писатель объяснял тем, что у этого народа большинство стихотворений посвящено морю.

Повесть о Кукше открывает перед нами подлинный мир средневековой Европы, подробно и с научной точностью описывает жизненный уклад словен и скандинавов, опираясь на сведения из летописей, археологических и исторических исследований. Во время своих странствий юный герой, сам того не ведая, знакомится со многими известными людьми: пер-

вым королём Норвегии Харальдом Прекрасноволосым, христианским святым Андреем Константинопольским, а также легендарными киевскими князьями Аскольдом и Диром.

Так же подробно писатель изображает и географию путешествий главного героя. Из лесной реки Ёки (название которой и сегодня означает по-фински «река») корабль викингов выходит в Ладожское озеро, берега которого были северной границей расселения словен. Чтобы оказаться в Балтийском море, норвежцы затем идут вниз по реке Неве, не догадываясь, что именно здесь через 850 лет Петром I будет основан Санкт-Петербург.

В течение всей повести Кукша побывает в северных и южных морях Европы, встретится с различными народами, населявшими её в те времена. Следуя за героем, внимательный читатель без труда проложит его маршрут на карте.

Многолетние странствия помогают Кукше осознать, что лучшее место на Земле – это родной дом, который навсегда останется в сердце человека, где бы тот ни находился.

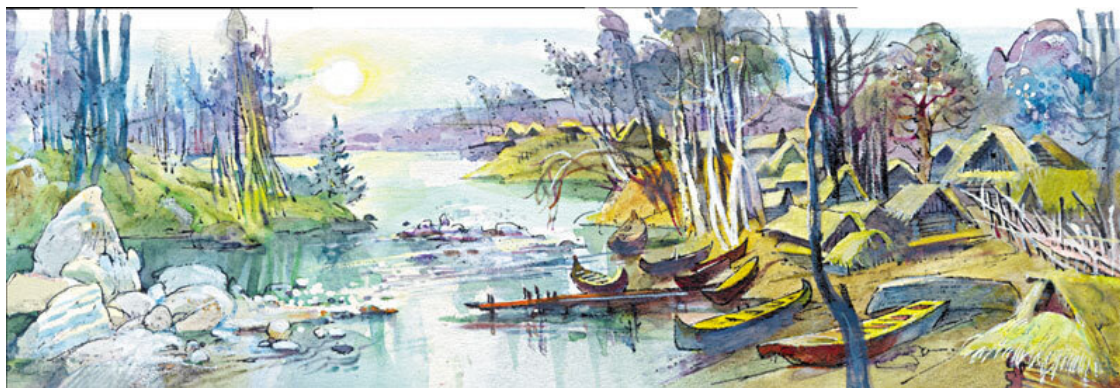
Антон Филатов

Часть 1

Кукша – варяжский пленник

Вступление

Пригревает весеннее солнце. Безветренно. Но в вершинах соснового бора слышится немолчный шум. Он сливается с отдалённым шумом речного порога, и кажется, будто над миром летит чей-то глубокий бесконечный вздох.

На правом берегу Ёки – порожистой лесной реки – раскинулась деревня. В ней живут домовичи, люди, ведущие свой род от Домового, доблестного воина, искусного охотника и неутомимого землепашца. Он, по преданию, первый из словенского племени срубил избу в этих местах.

В деревне недавно побывали варяги, сборщики дани. Они не удовольствовались тем, что к их приходу собрали домовичи, и пошли шарить по избам. Забрав всё, что им приглянулось, они пустились дальше вниз по реке.

Безрадостно в ограбленной деревне. Не слышать криков играющих детей. Даже псы и те почти перестали лаять. Только петухи, глупые птицы, по-прежнему кукарекают как ни в чём не бывало.

Домовичи безропотно позволили себя ограбить, потому что в деревне нет воинов: здешние жители несколько лет тому назад проявили непокорность и ладожский князь прислал сюда своего воеводу с дружиной – усмирять строптивых.

Тяжко на сердце у Потворы, вдовы, живущей в крайней избе, что над самым обрывом. Когда домовичи дрались с княжескими дружинниками, у неё убили мужа, и осталась она одна с пятью сиротами – четырьмя девками и сыном. А нынче, после прихода варягов, пропал и сын, отрок одиннадцати лет, на которого была вся надежда.

Ходила Потвора в тайную избушку, где стоит идол Домового, отнесла ему хлеба, мяса и молока, умоляла вывести из лесу её сына, если он заплутал. Ходила она с подношениями и в дебри лесные, к огромной, в три обхвата, сосне, умоляла Лешего, если он держит её сына, отпустить его домой. Однако сына нет как нет.

Видно, зверь задрал отрока в лесу и никогда больше сын не вернётся к родной матушке, а брат к милым сёстрам.

Глава первая Хальвдан Чёрный

Хальвдан Чёрный – славный мурманский¹ князь, или, по-здешнему, конунг. Он правит Вестфольдом, Рингерике, Рóмерике, Хёдемаркеном и некоторыми другими землями. Конунг Хальвдан – мудрый и справедливый правитель, в его владениях царит мир, во всех делах конунгу сопутствует удача, урожаи при нём хорошие, и народ любит его.

Обширное хозяйство у Хальвдана Чёрного, чего только не понастроено у него на усадьбе! Вот просторный скотный двор, конунг большое внимание уделяет разведению быков, их немало требуется для прокорма многочисленных родичей, домочадцев и гостей, но особенно для праздничных пиров, посвящённых богам и богиням.

Для жертвоприношений в хозяйстве конунга разводят петухов, собак и коней, ибо они главные жертвенные животные варягов. На усадьбе есть конюшня, где откармливают коней, на которых никто не ездит, петушиный птичник и отдельная псарня.

Каждый знает, что хорошие урожаи, чем так прославлено правление Хальвдана Чёрного, можно поддерживать только постоянными жертвами, и это первейшая обязанность конунга.

Бывали случаи, что какой-нибудь конунг пренебрегал своей обязанностью, тогда в стране, которой он правил, наступал недород. Опомнившись, конунг резал множество голов скота, приносил обильные жертвы, но не достигал никакого успеха. На следующий год он приносил человеческие жертвы. Толку не было по-прежнему.

Людям приходилось прибегать к последнему средству – приносить в жертву Одину, верховному богу, самого конунга и омыwać жертвенник его кровью. Только такой ценой удавалось вернуть урожаи в свою землю.

Помимо скотного двора, конюшен, псарен и птичников, в королевской усадьбе есть амбары, сенники, различные кладовые и погреба, овчарня, голубятня, соколятня, кузня, людские для рабов, дом для гостей и другие постройки.

Шумно в усадьбе, с раннего утра до позднего вечера доносится из кузни звон молотов о наковальни, не смолкает кукареканье множества петухов, из кожевенной, шорной и прочих мастерских слышится заунывное пение разноплеменных рабов.

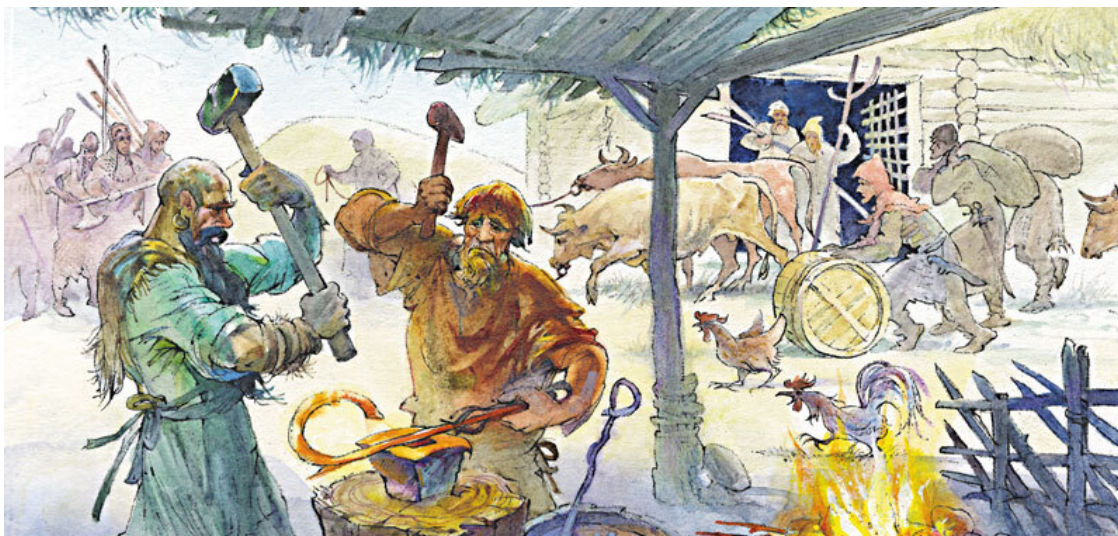
Однако сегодня здесь царит необычное оживление. В особом загоне режут скот, в поварне стряпают всевозможные яства, из погреба выкатывают бочки с брагой – готовятся к пиру. Накануне вечером из далёкой Гардарики² приплыли викинги³. Их предводитель Хаскульд – дав-

¹ Норвежский.

² Гардарики – страна крепостей, древнескандинавское название Руси.

³ Викинги – жители Северной Европы VIII–XI вв., промышленные морским разбоем и торговлей. То же, что варяги.

нишний приятель Хальвдана Чёрного. Он всегда охотно вступал в дружину старого конунга, когда требовалось отразить нападение врага или усмирить непокорных.

Знакомы Хальвдану и некоторые другие викинги. Конунг не раз беседовал с чернобородым Тюром, бывалым воином, много повидавшим на своём веку. Его мать была рабыней, её купили на торгу в Хёдебу, в Дании, однако Тюр весьма достойный человек, несмотря на своё происхождение.

Рыжий великан Свávильд тоже бывал в гостях у Хальвдана. Это доблестный воин, берсерк⁴, он не побоится выйти один против дюжины.

Викинги привезли с собой белобрысого отрока лет одиннадцати-двенадцати, с которым они все очень ласковы. Но про него не скажешь, что он платит им той же монетой. Он угрюм и молчалив, впрочем, кажется, он не знает по-мурмански.

Просторная гридница, где происходят пиры конунга Хальвдана Чёрного, освещена множеством жировых светильников, они укреплены на железных костылях, вбитых в брёвна стен. Посреди земляного пола пылает очаг, перед ним расположено почётное сиденье конунга, украшенное с двух сторон резными столбами.

Конунг – седой старик, у него длинные, чуть не до пояса, волосы и борода. Он указывает гостям место напротив себя, у другой стены, там расположено второе почётное сиденье, на нём размещаются предводитель Хаскульд и его ближние мужи. Один из них Тюр, он сажает рядом с собой белобрысого отрока. Остальные садятся на лавки по обе стороны почётного сиденья. Чем ближе к огню, тем почётнее считается место.

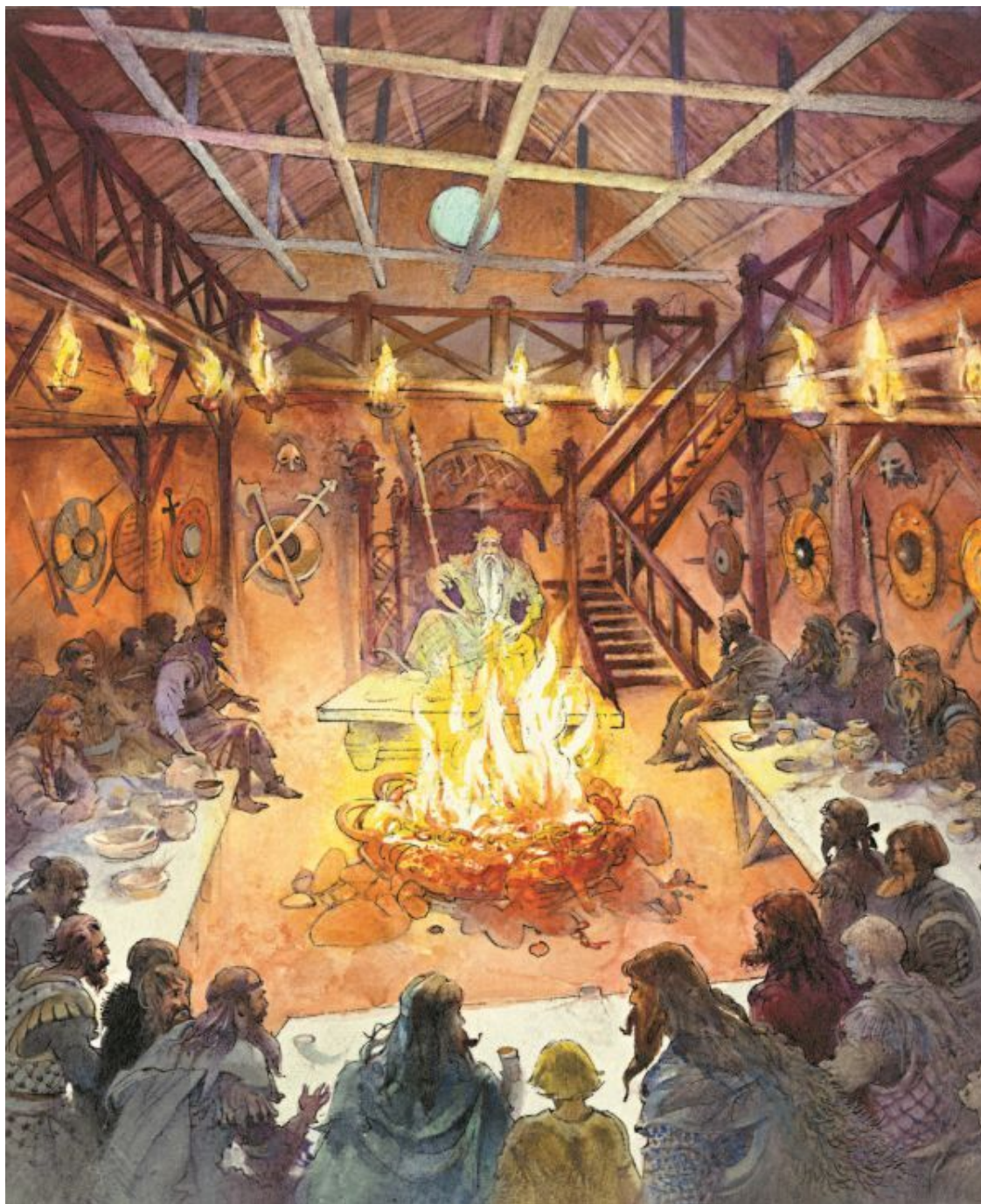
Конунгу, как и прочим участникам пира, не терпится послушать, что расскажут люди, прибывшие из далёких краев, однако лицо его выражает только важность и спокойствие. Он ни за что не позволит себе торопить гостей.

Над каждым из мужей, своих и прибывших, поблескивают доспехи, повешенные на стену: меч, секира, щит и шлем. Звучат заздравные речи, в могучие глотки воинов льется хмельная брага из рогов, оправленных серебром. Мало-помалу гости начинают рассказывать о далёкой стране Гардарики, о её городах, о Ладоге, которой правит знаменитый викинг Орвар Стрела.

Гардарики – богатый край, но там неудобно совершать викингские набеги, потому что нет спасительного морского простора. Орвар Стрела придумал, как без набегов пользоваться всеми дарами тех земель. Для этого он захватил город Ладогу, что на реке Волхов, укрепился в

⁴ Берсерк – свирепый воин, который в битве приходил в исступление, выл как дикий зверь, кусал свой щит и был, согласно поверью, неуязвим.

нём и покорил или перебил окрестных князей, пользуясь их взаимной враждой. Ладога стоит на таком месте, что в неё стекаются богатства с трёх сторон: с запада – рабы, с севера – пушнина, а с востока – золото, серебро и драгоценные ткани. Правда, к югу от Ладоги расположен большой торговый город Новгород, он как бельмо на глазу, но со временем его можно было бы захватить.

Возвращаясь в Норвегию из Гардарики, Хаскульд и его люди грабили берега Балтийского моря и взяли немало добычи, хотя тамошние места были уже сильно опустошены до них.

Глаза пирующих то и дело останавливаются на отроке, которого опекает Тюр. Не только женщинам и девушкам, сидящим на женской скамье у торцевой стены, – пожилым воинам, умудрённым жизнью, тоже любопытно узнать, откуда взялся отрок и зачем он понадобился викингам. Уголёк любопытства жжёт даже охладелое сердце конунга, завершающего свой жизненный путь.

Наконец Хаскульд, заметив его взгляд, невольно брошенный на отрока, говорит:

– Я думаю, что теперь нам следует рассказать о Кúкше. Лучше всего это, пожалуй, сделать Тюру.

Тюр не заставляет долго себя уговаривать, он осушает только что поднесённый ему рог и начинает рассказывать.

Глава вторая

Первое знакомство

Собирали мы нынешней весной дань для ладожского конунга и приплыли в одну словенскую⁵ деревню. Угощение нам приготовили щедрое, мёд лился рекой. Однако дани оказалось маловато, нетрудно было сообразить, что жители решили восполнить мёдом недостаток белок и куниц.

Мёд мёдом, а дань данью. Не хотите отдать добром, возьмём силой. Пошли мы по избам. Заходим со Свавильдом в одну избу, а навстречу нам баба бешеная, встала на пути, кричит что-то, не пускает.

Если б это было не в Гардарики, мы бы её недолго думая убрали с дороги мечом, но там нельзя – конунг не велит людей зря убивать, они ведь как-никак его данники. Мы даже пригрозить той бабе не можем, не знаем по-ихнему, а она, того гляди, в глаза вцепится.

Стал её Свавильд оттаскивать, чтобы пройти, вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает отрок и на Свавильда. Да так бесстрашно! Он мне сразу понравился. Ах ты, волчонок, думаю, хороший волк из тебя со временем вырастет!

Я даже рассмеялся, когда он Свавильда боднул головой в живот и начал колотить его кулаками. Свавильд, как известно, до шуток не охоч. Быстро надоела ему эта забава, отшвырнул он отрока, отшвырнул бабу и хотел в клеть пройти. Глядь, отрок опять на него, только уже с топором. Тогда я вмешался, отнял у него топор. Там девчонки стояли – видно, сёстры его, – велел им утащить отрока прочь, пока не поздно. Жалко мне его стало, ведь убьёт, думаю, его Свавильд!

⁵ Словёне – восточно-славянское племя, жившее на территории нынешней Новгородской области. Одно из племён, составивших впоследствии русский народ.

Глава третья

Опять он

Покинули мы ту деревню. Плыть дальше нельзя, на пути опасный речной порог, так что идём лесом, в обход порога. Вдруг слышу, позади меня что-то зазвенело. Оборачиваюсь, оказывается, в Славильдов шлем камень угодил. Да увесистый, побольше гусиного яйца будет! Несдобровать бы Славильду, попади камень ему в лицо!

Камни не птицы, сами по лесу не летают. Гляжу, за кустами кто-то прячется. Я как увидел круглые серые глаза, сразу понял – опять тот отрок! Бросился к нему Славильд, лишь тогда пустился он улепётывать. Славильд за ним в погону, а мы сели ждать. Недолго, думаю, нам ждать, не уйти бедняге от Славильда, другого такого бегуна, как Славильд, может, во всей Норвегии больше нет. Сижу я, и грустно мне. Наверно, думаю, уже настиг Славильд отрока, обнажил меч и рассёк пополам маленького храбреца. Сейчас явится с окровавленным мечом.

Однако Славильда всё нет и нет. Мало-помалу затеплилась у меня надежда, что он потерял мальчика в лесу. Ну что ж, поищет, поищет и вернётся. Ждём уже изрядно, кто-то говорит: не заблудился ли наш Славильд, может, поискать, покликать?

Вдруг выскакивает из чащи мальчишка, рот разинут, глаза выкатились, бежит прямо к реке. Один из наших хотел было его подстрелить, я не дал. Не мешай, говорю, Славильду, это его добыча.

Слышу, приближается Славильдов топот, а вот он и сам. Вылетает из чащи, меч обнажён, на лице ярость, несётся к реке вслед за отроком.

Бедняга уже на скале, а оттуда деваться некуда, потому что под скалой порог ревёт, и ярости в нём не меньше, чем в Славильде.

Не дал мальчишка себя зарубить, сам прыгнул в порог, на верную гибель, словно посмеялся над Славильдом: оставайся, мол, ни с чем! Словом, поступил, как настоящий викинг.

Глава четвёртая

Воскресение отрока

Не сразу мы тронулись в путь. Свавильд – берсерк, и ему необходимо было излить гнев. Начал Свавильд рубить деревья. Долго рубил. Рычал, пеной плевался, совсем как порог, что украл у него жертву. Наконец устал, лёг и некоторое время лежал в бессилии, как бывает у берсерков.

Мы тем временем сели обедать, и разговор зашёл о погибшем отроке. Одни, как и я, жалели, что погиб такой храбрый мальчик. Другие возражали, что он, наоборот, трус и спятил от страха, иначе зачем бы ему загонять самого себя в ловушку, откуда нет пути, кроме как в гибельную стремнину.

Тогда я сказал:

– Он был не из тех, кто может спятить от страха, – я видел, как он защищал свою мать. Это был настоящий викинг в душе, и мне очень жаль, что он погиб.

Мудрый Хаскульд поддержал меня.

Наконец Свавильд пришёл в себя, и мы тронулись. Представьте себе наше изумление, когда мы переправились через реку и на другом берегу увидели мальчишку! Он был цел и невредим, даже рубаха на нём была сухая. Он преспокойно спал, а в руке держал пращу, заряженную хорошим камнем. Упрямый волчонок снова подстерегал Свавильда! Однако ждать ему пришлось слишком долго, и бедняга крепко уснул.

Наши парни подкрались к нему и схватили его. Вы бы посмотрели, как он брыкался и вырывался! И тут его увидел Свавильд. Я участвовал со Свавильдом во многих битвах, но такой ярости, какая на него напала в тот раз, я, признаться, не видывал.

Выхватывает Свавильд меч и кидается к отроку. Ладно, Хаскульд помешал, а то бы наш берсерк сделал из мальчика начинку для пирога.

Однако викинги не поняли, почему Хаскульд заступился за отрока, иные даже начали ворчать. Пришлось Хаскульду объяснить.

– Кто мне скажет, – спрашивает он, – почему духи реки вынесли мальчишку на берег живым и невредимым?

Все молчат, и Хаскульд говорит:

– Потому что его гибель не угодна судьбе! Не очевидно ли, что отрок пользуется особенной её благосклонностью? А раз так, возьмём его с собой, и он принесёт нам счастье!

Хорошо иметь умного предводителя! Ведь каждый из нас изумился, увидев отрока спящим на берегу после пребывания в страшном пороге – порог должен был изжевать его и выплюнуть обезображенный труп! Однако только Хаскульд сообразил, что отрок спасся неспроста, что сама судьба посылает его нам как знак своего расположения.

Кто посмеет пренебречь указанием судьбы? Могущественны боги, но и самих богов судьба одаряет удачей или метит неудачей.

Каждый знает, что судьба может наделять людей разными видами счастья или несчастья. Есть люди, которым неизменно везёт в битвах, а есть такие, которых постоянно преследуют беды. Одни своим присутствием вызывают попутный ветер, другие навлекают бурю. Неудачников опасно иметь на судне, лучше сразу выбрасывать их за борт.

Наш найдёныш не погиб в страшной пасти порога и спасся от не менее страшного меча Свавильда – две таких удачи в один день внушают доверие.

У нас, как известно, особенно ценятся люди, вызывающие попутный ветер. Когда впоследствии викинги убедились, что счастливый отрок наделён и этим видом удачи, я окончательно успокоился за его жизнь, потому что тут уж и Свавильд сменил гнев на милость.

Глава пятая

У ладожского князя

Пока плыли мы в Ладогу, привязался я к Кукше всё равно что к сыну. Сперва не желал он меня признавать. Бывало, подхожу к нему с лаской, а он, того и гляди, зарычит или укусит. Этим-то он и понравился мне. Зато, не скрою, я почувствовал гордость, когда он мало-помалу начал приручаться.

Вскоре убедился я: не зря мне казалось, что он может укусить руку, протянутую к нему с лаской. Приплыли мы в Ладогу и сразу попали на пир. Орвар Стрела, ладожский конунг, встретил нас приветливо, Хаскульда и меня усадил на почётное сиденье рядом с собой. Другим тоже оказал всяческую честь.

Полюбопытствовал он, конечно, что за отрок с нами. Когда поведали мы ему о Кукше, конунг самолично приказал налить в самый красивый рог мёду и отнести Кукше: раз, мол, он воин, пусть пьёт.

Захотелось конунгу рассмотреть Кукшу поближе, и подозвал он его к себе. Кукша не робеет, подходит. Конунг улыбается, берёт его за подбородок, и тут выхватывает Кукша нож из-за пояса и всаживает его конунгу в руку. Уж не знаю, как у него за поясом нож очутился!

Не понравилось мне, как конунг с Кукшей обошёлся, пнул он его, точно пса, хорошо ещё – не искалечил. Вижу, Хаскульду это тоже не понравилось. Однако промолчали мы.

Только начались у нас с конунгом с того раза нелады. Кто-то нашептал ему, будто Хаскульд утаил часть конунговой дани. Дальше – больше. Кончилось тем, что покинули мы конунга, уплыли из Гардарики.

Жаль было оставлять Гардарики. Благословенная страна! Нигде нет столь дешёвых рабов, нигде нет такого изобилия драгоценной пушнины. Серебро и золото с Востока первым делом попадают в Гардарики! Мёду, подобного тамошнему, нет на всём свете! А какие там рабыни!

Одно плохо – жизнь чересчур спокойная. Викинг нет-нет да и затоскует по морю, по набегам, по сражениям. А там, того и гляди, мошь паруса побьёт⁶. Мы с Хаскульдом давно уже собирались проветриться. Но не уплыли бы мы оттуда навсегда, кабы не распря с Орваром. Впрочем, есть тому и ещё одна причина, более важная.

Спору нет, Орвар Стрела – доблестный вождь, настоящий морской конунг, избородил все моря. Особенно знаменит он как лучник. У него полон тул заколдованных стрел, на каждой магические руны⁷ начертаны. От его стрелы никто не может уйти. Не зря он зовётся Орвар Стрела.

Однако викинг должен, как видно, хоть время от времени выходить в море. От морской соли крепнет сердце. А тому, кто позволяет себе расслабиться, судьба перестаёт посылать удачу. В последнее время нам с Хаскульдом стало казаться, что счастье оставило Орвара.

И конечно, не случайно Кукша ударил ладожского конунга ножом, это судьба Кукшиной рукой пометила Орвара Стрелу знаком неудачи. Рассудили мы, что плохо кончит ладожский конунг и незачем нам делить с ним его несчастливую судьбу.

⁶ Паруса у викингов были шерстяные.

⁷ Руны – древнегерманские, преимущественно древнескандинавские письмены.

Глава шестая Побеги Кукши

Впрочем, я взялся о Кукше рассказывать, а не о ладожском конунге.

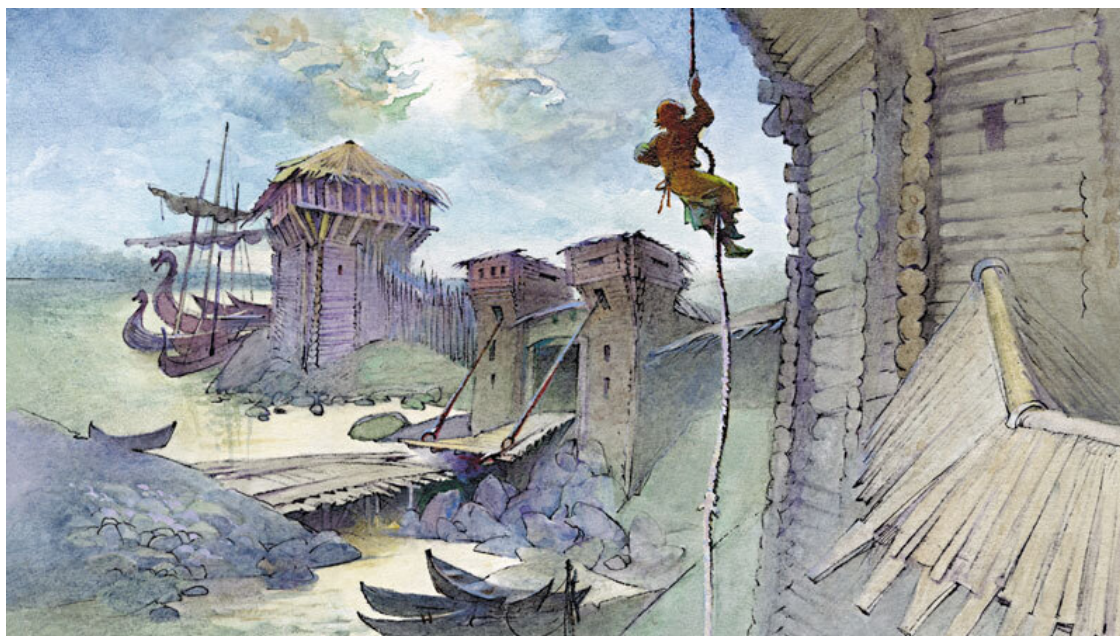
Истинную правду говорил Хаскульд, что судьба бережёт Кукшу. Пока мы были в Ладогe, он дважды пытался бежать. Один раз ночью он слез по наружной стене детинца⁸, не имея ни верёвки, ни лестницы, а когда стал спускаться по крутому земляному валу, сорвался. Любой другой непременно сломал бы шею, а ему хоть бы что! Мы ходили смотреть то место – верная гибель!

Другой раз он спустился из детинца по верёвке, сел в лодку и поплыл. На следующий день к вечеру мы его нагнали. Как видите, опять ему повезло – ведь, пока он плыл, его могли поймать и продать в рабство. А если бы ему и удалось добраться до дома, он сгинул бы в безвестности, теперь же его ждёт будущее знаменитого воина.

Но самое удивительное случилось позже, когда мы уже покинули Ладугу.

Остановились мы на ночлег на реке Неве, неподалеку от финской деревни. Сходили в деревню, купили мёду. Кукшу я, по обыкновению, брал с собой. Из предосторожности ночевали мы на корабле, отойдя немного от берега. Тамошние жители – народ воинственный, при случае и сами не прочь пограбить. Просыпаемся утром – Кукши нет.

Вспомнил я, что жена старейшины, которая нам мёд продавала, разговаривала с Кукшей. Наверно, она и сманила его. Приходим в деревню, говорим старейшине: мы-де хотели бы сохранить со здешними жителями мир да любовь и ожидаем от жителей того же. Поэтому мы просим вернуть нам похищенного отрока.

Старейшина отвечает, что ему ничего не известно о похищении. Он уверен, что отрока в деревне нет, ибо люди его рода не могли что-нибудь предпринять без его ведома. Чтобы у нас не было сомнений, он предлагает нам обыскать деревню.

⁸ Детинец – крепость.

Обыскали мы избы, облазили погреба да амбары и ни с чем вернулись на берег. Однако все уверены, что Кукша где-то здесь. Скорее всего, его спрятали в лесу. Но лес велик, его не обшаришь.

Устроили мы совет: как быть, плыть дальше, смирившись с потерей Кукши, или напасть на деревню и заставить её вернуть отрока?

Всем было ясно, что предстоящие походы в богатые западные земли без Кукши не будут столь удачными, как с ним. К тому же все мы успели привыкнуть к нему и особенно сильно почувствовали это, когда потеряли его.

Самые воинственные предлагали немедленно отомстить финнам – напасть на деревню, жителей перебить, имущество разграбить, а деревню сжечь. Кто-то из более осторожных напомнил, что в Ладогe говорят, будто у финнов есть в тайных местах особые била, вроде огромных барабанов, которыми финны в случае нападения подают весть соседям. Весть мгновенно облетает всех единоплеменников, и жители окрестных деревень спешат на помощь своим. Как бы не попасть в беду, ведь Нева в руках здешних финнов.

Хаскульд, как всегда, предложил самое мудрое решение. Он сказал:

– Устроим погром ночью. Внезапное ночное нападение сулит верный успех и наименьшие потери. Сейчас мы снимемся с якорей и пройдем немного вниз по реке, пусть финны думают, что мы уплыли своей дорогой. Тогда им уже незачем будет прятать Кукшу. А мы в укромном месте дождемся ночи, вернемся и нападём на деревню. Зажжём несколько домов, чтобы было светло, и начнём убивать и грабить. Я уверен, что мы найдём там и Кукшу. Покончив со своим делом как можно скорее, мы без промедления тронемся в путь и утром будем уже в Балтийском море. И пусть хоть все финны этой страны, а вкупе с ними и словене и кто угодно ополчатся на нас!

Большая часть викингов одобрила предложение, но всегда есть и такие, которые сомневаются. Хаскульда спросили:

– Разве не чёрное дело – убивать ночью?

Хаскульд и тут нашёлся. Он засмеялся и сказал:

– Не знал я, что в наши дни кто-то ещё может принимать в расчёт подобную чепуху. В старые времена глупые люди верили, правда, что ночное убийство – дело незаконное. Но разве великий Гóдфред не ночью разорил поморский Рёрик? И разве доблестный Олуф дождался утра, чтобы сжечь Зёебург?

Не тратя больше времени на разговоры, мы подняли якоря и поплыли вниз по реке, чтобы найти место для стоянки.

Не успели мы приготовить обед, глядим: мимо нас Кукша в лодке плывёт и так гребёт, точно за ним троль гонится. Окликнули мы его в берестяной рупор и ждём, как он себя поведёт. Он сразу, не задумываясь, к нам повернул. Ага, значит, нас он и искал. Не стану скрывать, обрадовались мы, словно сто лет не видались. И он тоже...

Тут Тюр с улыбкой взглянул на отрока и замолк.

Глава седьмая

Харальд и Кукша

Викинги подарили конунгу Хальвдану парус для большого боевого корабля и много драгоценных соболей и бобровых шкурок из Гардарики. Конунг весьма доволен подарками. Он предложил всем гостям, у которых нет каких-либо важных и неотложных дел дома, остаться у него на зиму.

Кукша нравится Хальвдану. Старый конунг быстро понял, что викинги не ошибаются, видя в отроке будущего доброго воина. Конечно, в его возрасте все мальчишки любят воинские упражнения и готовы целый день махать деревянными мечами, разбившись на пары или на отряды по несколько человек. Но такой одержимости в постижении воинского искусства, какую проявляет этот словенский отрок, конунг не видывал, пожалуй, за всю свою долгую жизнь.

У конунга есть сын по имени Харальд. Харальд и словенский отрок примерно одного возраста. Харальду очень полезно иметь для воинских упражнений такого сильного противника.

Мальчики, кажется, уже подружились. В этом тоже нет ничего плохого. Такая дружба несколько не унижает достоинства будущего конунга. Отрок не раб, хотя и пленник. Сами викинги, похищая Кукшу, не предназначали его для рабской доли. Сказать по правде, из таких зверёнышей и не получается хороших рабов.

Мудрый старый конунг, чью власть скоро уже унаследует его сын, знает, как дорог в этом беспокойном мире такой дружинник, который с малых лет привык любить своего вождя и видит в нём скорее друга, нежели господина. От века разумные люди ценят дружбу гораздо дороже, чем службу. А в Кукше хорошо ещё то, что у него в этой стране ни роду, ни племени – словом, никаких привязанностей. Такой человек будет особенно предан.

Харальд, гордый и вспыльчивый, на диво сдержанно переносит удачные удары, наносимые Кукшей. Вспыхнет, закусит губу и продолжает сражаться, только делаясь более внимательным и осторожным.

Конунг Хальвдан, который иногда наблюдает за их поединками, с удовольствием видит, как его сын, участь воинскому искусству, одновременно учится житейской мудрости. Да, да, всегда рассчитывать, никогда не поддаваться ослепляющей силе гнева! Что ж, это утешительно, после его смерти власть попадёт в надёжные руки!

В словенском отроке старые опытные воины сразу отметили, помимо ловкости, ярость, овладевающую им во время боя. Иной раз ему не хватает одного деревянного меча на поединок, он разбивает его в щепки о щит противника. Воины переглядываются и одобрительно покачивают головами. Мурманцы ценят и искусство боя, и воинскую страсть.

Гутторм, дядя Харальда по матери, его воспитатель и главный наставник в воинском деле, считает, что воин должен, помимо меча и секиры, в совершенстве владеть копьём и метко стрелять из лука. И Харальд с Кукшей мечут копьё, изо всех сил колют им можжевёловый куст и стреляют в цель из лука.

У Харальда есть собственный настоящий меч, хотя Харальд не посвящён пока что в мужчины и, значит, не имеет права носить меч на поясе, как воин. Меч откован из самой лучшей стали, только размером поменьше взрослого. Мальчики по очереди с азартом рубят прутья Харальдовым мечом.

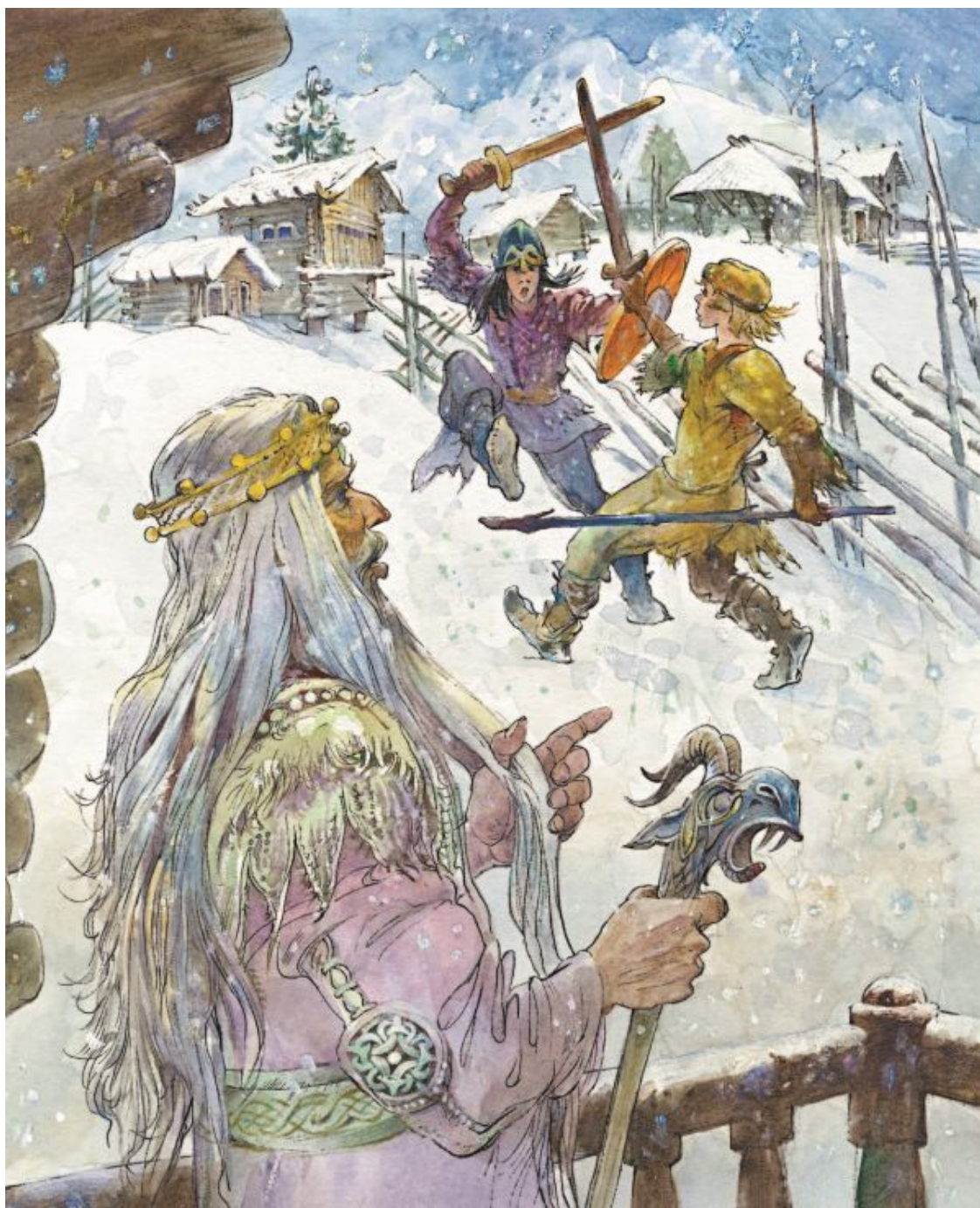
На родине Кукша слыл среди отроков искусным прашником. Он и здесь не забыл любимую прашу, обучил своему искусству Харальда, и, скитаясь по окрестностям, они редко пропускают какое-нибудь дерево, чтобы не метнуть в него камень, благо камней в Норвегии не меньше, чем на родине Кукши.

Дружба мальчиков крепнет день ото дня. Их редко увидишь врозь. Харальд выразил желание ночевать вместе с Кукшей в гостевом доме, где живут викинги, приплывшие из Гар-

дарики, и отец охотно разрешил ему это – пусть сын побольше бывает с воинами и поменьше с женщинами.

Теперь Харальд и Кукша спят рядом, едят вместе и подолгу где-нибудь пропадают вдвоём. Особенно любят они забираться в огромную сумрачную оружейную. Все стены её увешаны оружием и доспехами. В потолочные балки, как и в стены, вбиты кованые крюки и гвозди, на них висят панцири, кольчуги и шлемы.

Давно уже не было войн, и оружейную никто не посещает, тут и там виднеются нетронутые кучки земли – это кроты без помех роют свои норы.

Мальчики сидят на древних, источенных жучком и временем сундуках, в которых хранятся смазанные бараньим салом старые мечи, секиры и наконечники для копий. Кукша среди мурманов быстро выучился чужому языку, и теперь они с Харальдом ведут бесконечные беседы, рассказывают друг другу сказки и мечтают.

Кукша видит на балке панцирь, превосходящий остальные размером и более прочим потемневший от пыли и ржавчины. Видно, его перестали чистить сто, а может, и двести лет тому назад.

Харальд говорит, что этот панцирь принадлежал его предку Ингви-Фрейру, богу, от которого произошли Инглинги, род конунгов, правящих в Норвегии и Швеции. Сыновья и внуки Фрейра, люди весьма могучего телосложения, ещё пробовали надевать этот панцирь, но всем он оказывался велик, и в конце концов его перестали примерять. Так он и висит теперь без дела.

Харальду нравится, когда Кукша рассказывает о своей жизни на родине. Его рассказы о Гардарики совсем непохожи на рассказы викингов. Оно и понятно, ведь викинги были чужеземцами, а Кукша там родился и вырос.

Особенно оживает Харальд, если Кукша вспоминает о драках или об охоте. К охоте Кукшу отец начал приучать с малолетства и брал его с собой, даже идя на медведя.

Сам Харальд больше всего говорит о своих мечтах, а мечтает он о викингских походах. Ему нужны несметные сокровища, и добыть их легче всего морским разбоем.

С восхищением рассказывает Харальд о том, как викинги разграбили и сожгли богатые города юга. Знаменитый датский морской конунг Рагнар Кожаные Штаны лет пятнадцать назад поднялся по реке вглубь земли франков и разорил там богатый город Париж. Другие храбрые викинги тоже постоянно разоряют города франков и разных иных народов.

Харальд слышал, что где-то далеко-далеко на юге есть сказочный город Рим, он во много раз больше и богаче Парижа. Считается, что Рим – величайший и прекраснейший город мира. Заветная мечта Харальда – разграбить и сжечь этот знаменитый город. Вот откуда можно привезти богатую добычу и громкую славу!

Харальд сможет отправиться в поход, когда ему стукнет двенадцать лет – с этого возраста мурман считается мужчиной и имеет право носить на поясе меч.

Мальчики часто бродят по лесу с луками и пращами, упражняются в меткости, охотятся на мелкую дичь. Однажды на закате они выходят на поляну неподалёку от королевской усадьбы. На поляне возвышается курган. Харальд говорит:

– Знаешь, кто здесь похоронен? Моя бабка, королева Аса. Она умерла, когда меня ещё не было на свете. Говорят, она умерла молодой и красивой.

Помолчав, он добавляет:

– Видишь, какой большой курган? Её похоронили в корабле, потому что она была знатная женщина, и дали в дорогу всё, что нужно для жизни в загробном царстве. Даже любимую служанку закопали вместе с ней.

– Живём? – спрашивает Кукша.

– Да.

Кукша смотрит на тёмный курган, за которым пылает жёлтое закатное небо.

– Как ты думаешь, – спрашивает он, – твоя бабка со своей служанкой и сейчас там?.. Или в загробном царстве?

Харальд задумывается. Такой вопрос никогда не приходил ему в голову. Известно, что знатного человека хоронят в корабле, повернутом носом на юг, к морю, чтобы покойный, когда положено, мог отправиться в путь. Но, с другой стороны, все знают, что покойники иногда выходят из своих могил. Так было, например, и с бабкой Асой.

– Не знаю, – говорит Харальд. – Думаю, что сейчас их там нет. Но, когда надо, они возвращаются.

– А когда им бывает надо? – тихо спрашивает Кукша, глядя на курган.

– Когда дело какое-нибудь есть.

– А какое у них здесь может быть дело? – снова спрашивает Кукша.

– Чудной ты! Разные могут быть дела... Вот, к примеру, в ночь, когда я родился, бабка Аса вышла из кургана. Знаешь зачем?

– Нет.

– Затем, чтобы сказать вису⁹:

*Ныне родился
Конунг великий,*

⁹ Виса – стихотворение из восьми строк, которое сочинялось на случай.

*Харальдом будут
Звать его люди,
Землю норвежскую
Всю воедино
Он под свою
Рукой соберёт.*

– Это она про кого? – спрашивает Кукша. – Неужто про тебя?

– А то про кого ж! – отвечает Харальд и приосанивается. – Отец владеет четырьмя областями, а я буду владеть всей страной. Такого конунга в Норвегии никогда ещё не было!

Кукша восхищенно восклицает:

– Вот это да!.. Здорово, ничего не скажешь!

Когда они покидают поляну, Кукша оглядывается на курган.

Там зарыт живой человек.

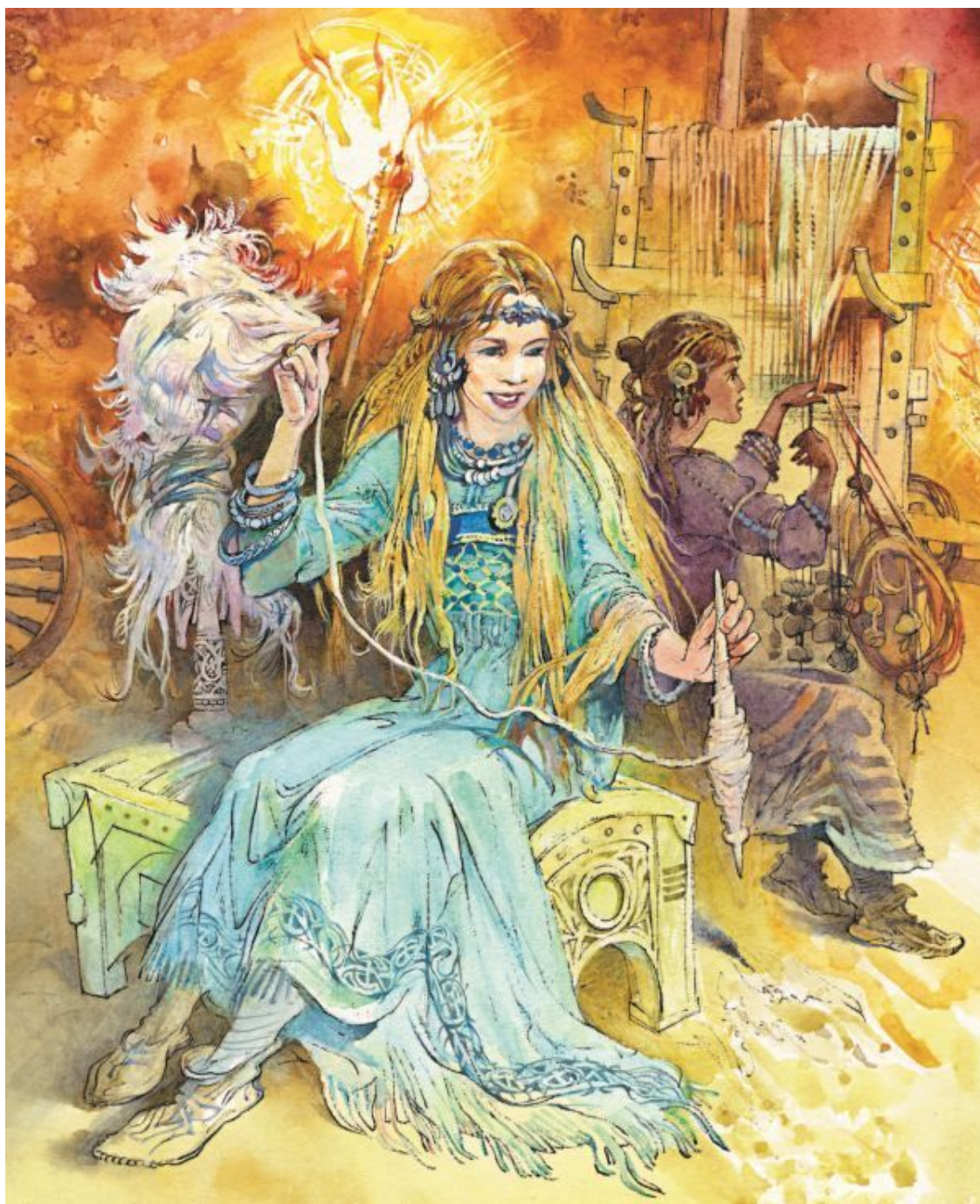
Глава восьмая

Сёстры Харальда

Приходит зима. Сыплет мелкий густой снег, и кажется, что над каменистыми холмами, над лесами, над королевской усадьбой просто висит сырая белая мгла. Но на глазах растут, словно разбухают, сугробы вокруг домов и хозяйственных построек, всё тяжелее становятся снеговые шапки на крышах. По утрам иной раз приходится лопатами прокладывать дорожки, чтобы попасть в конюшню или в кладовую.

С наступлением холодов Харальд и Кукша реже бывают в оружейной, потому что она не отапливается. Теперь они часто заходят в кузню, там всегда пышет жаром от горна. Они подолгу наблюдают за работой кузнецов, которые обращаются с раскалённым железом ловко и уверенно, не хуже, чем женщины с тестом.

Но особенно уютно по вечерам в девичьей горнице. Там собираются конунговы дочери и служанки. Они прядут или ткут. Сёстры Харальда – белокурые румяные девушки. У них длинные распущенные волосы, которые они старательно расчёсывают. Голову поверх волос они повязывают лентой, расшитой золотыми нитями, бисером или драгоценными камнями. Лента эта не только для красоты, её повязывают прежде всего затем, чтобы волосы не мешали работе. На руках у сестёр золотые и серебряные запястья, пальцы унизаны перстнями.

Они кажутся Кукше красавицами, но больше всех ему нравится Сигне, которая с ним ласковее других. Она уже совсем взрослая, ей четырнадцать лет, поэтому она относится к нему покровительственно.

Хотя девушки – конунговы дочери, они много работают: сидят за прялкой или ткут на кроснах¹⁰ льняные и шерстяные ткани. Сёстры очень весёлые и часто рассказывают смешные истории или затевают шутивную перебранку. Но поздно вечером, когда вся усадьба засыпает, здесь звучат страшные рассказы и сказки. Девушки к этому времени перестают работать, вооружаются старыми тупыми ножами и начинают искать друг у друга в голове.

¹⁰ Кросны – ткацкий станок.

Коптят и потрескивают льняные светильни в жировых плосках. Сигне сидит на лавке, а Кукша стоит перед ней на коленях, уткнувшись лицом в подол её платья, и цепенеет от блаженства, когда Сигне ножом раздвигает его густые жёсткие волосы у самых корней.

Как сладко замирать от её прикосновений и от страха, слушая рассказы о назойливых покойниках, что выходят из своих могил и мешают людям спокойно жить, или о горных чудовищах-троллях, которые любят тёплую человеческую кровь! Мало-помалу он погружается в омут сна и оказывается дома, голова его лежит на коленях у старшей сестры Денницы, и она чешет ему голову ножом. Потрескивает лучина, и с коротким шипением гаснут искры в корыте с водой.

В углу тихо и обиженно мычит телёнок, которого разлучили с коровой и внесли в избу, чтобы он не замёрз в хлеву. Входит Кукшина мать, ставит на лавку деревянный подойник с вечерним удоём. Пахнет парным молоком.

Сейчас Кукша выпьет чашку молока и залезет на полати, на медвежьи и овчинные шкуры. Он будет уже засыпать, когда сёстры тоже влезут на полати и Денница, как обычно, ляжет возле него. А может, это не Денница, а Сигне? Хорошо бы, они обе всегда были рядом с ним.

Потом всё пропадает, нет больше ни Денницы, ни Сигне. Какая-то страшная сила сковывает его по рукам и ногам, на груди он ощущает неимоверную тяжесть. Он кричит в отчаянии и просыпается. Кукша лежит на лавке, на нём сидит Сигне, она заливается громким смехом. Кругом хохочут её сёстры и служанки.

Спросонья все они кажутся Кукше сказочными колдуньями. Сигне хохочет громче всех, зубы у неё белые, как творог. Глаза её, прозрачные, с тёмной обводкой, сверкают. Хохоcha, она раскачивается и запускает пальцы в волосы Кукши, будто собирается оторвать ему голову.

На шее у Сигне на золотой цепочке болтается крохотный мешочек из тонкой козловой кожи. Она говорила как-то, что в мешочке особый заговорённый корешок, который предохраняет от злого глаза. Корешок ей дала одна старая колдунья, финка.

Кукша хочет подняться и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. «Разве сама она не колдунья? – со страхом думает он. – Колдунья и есть, только не старая, а молодая и красивая». И Кукша робко просит Сигне расколдовать его, чтобы он мог встать.

Хохот становится таким громким, что, того и гляди, обвалится потолок. Понемногу Кукша приходит в себя, остатки сна улетучиваются, и он обнаруживает, что, пока он спал, его привязали к лавке. Кукша смущённо улыбается и, глядя на смеющуюся Сигне, тоже начинает смеяться.

Сигне отвязывает его и говорит:

– Крепко же ты спишь! Мы тебя привязали и начали звать: Кукша, вставай, мол! А ты хоть бы что! Кричим тебе в уши, а ты не просыпаешься. Потом мне надоело, что ты спишь, и я села на тебя. А ты так страшно закричал во сне, что я даже испугалась!

Кукша глядит на Сигне – какая она красивая, какое у неё доброе, весёлое лицо, неужели она только что казалась ему колдуньей?

Глава девятая

Посвящение

Дни становятся всё светлее. Позади праздник Юль – середина зимы. В этот день конунг Хальвдан принёс обычную жертву – коня, пса и петуха, чтобы уmolить Солнце поскорее вернуться.

Дети наряжались маленькими духами гор, воды и полей, водили хороводы, славили Солнце и звали его поскорее вернуться с весной, теплом и зеленью. Взрослые надевали козлиные шкуры и кружились в неистовой пляске, посвящённой Солнцу. Праздник завершился весёлым пиром, в котором участвовали все от мала до велика.

С приближением весны у викингов только и разговоров, что о походах в богатые западные и южные земли. По всей Норвегии идёт молва о Хастинге – морском конунге мурманского роду-племени, который обосновался в Дублине и оттуда совершает набеги на западные берега Франции.

Хастинг не грабит малой шайкой, у него целый флот, и он, подобно Рагнару Кожаные Штаны, имеет возможность нападать даже на большие города. Это вождь великой храбрости и редкой удачливости, а по красоте и обходительности ему нет равных. Говорят, будто никто никогда не слышал от него ни единого грубого слова.

Надоела зима бородатым морским разбойникам. В нетерпеливом ожидании весны то и дело кто-нибудь принимается точить и без того острый меч, чистить сверкающий шлем или латы. Не в радость уже пиры и охота – первое развлечение мужчин.

Однако по утрам всё чаще слышен звон сосулек, намерзающих под стрехой. Скоро, скоро уже придёт пора конопатить и смолить корабли, которые пока что отдыхают от бурь и походов в длинных корабельных сараях! Иной раз чернобородый Тюр вздохнет и скажет Кукше мечтательно:

– Повезло тебе, парень. Мальчишкой побываешь в невиданных странах! Иные по сто лет живут, а дальше своей овчарни ни шагу!

Молчит Кукша, а сам думает: «Дались мне ваши невиданные страны!» И вспомнит он родные Домовичи. Как-то там сейчас! Матушка, чай, все глаза проплакала по единственному сыну. И милые его сёстры зимними вечерами небось не слюной, а горячими слезами смачивают кудель, сидя за прялкой. Сам он не плакал ни разу, с тех пор как увезли его мурманы. Иной раз так хочется, но он ни-ни! Ведь он давно уже взрослый.

Викинги тоже так считают. Они рассудили, что Кукше должно быть уже не менее двенадцати лет и пора посвятить его в мужчины. Изнывающие от безделья воины рады развлечению, все они принимают участие в подготовке к торжественному действу.

По их заказу местные оружейники изготавливают для Кукши круглый варяжский щит, кожаный с медными бляшками. Серебряник спешит выковать ко дню посвящения шейную серебряную гривну с молоточками бога Тора. Хотели викинги заказать для Кукши и кольчугу, но раздумали – тяжела она для неокрепших отроческих костей.

В сундучке Тюра лежит сарацинский шлем, весь изукрашенный золотыми узорами и непонятными сарацинскими письменами. Тюр раздобыл его на Волге. Шлем не лезет ни на кого из викингов, он хранится у Тюра как красивая игрушка. С двумя суконными подшлемниками шлем приходится Кукше впору, и Тюр счастлив, что может подарить его отроку.

Конунг Хальвдан Чёрный ради такого случая выделяет из своих оружейных запасов отроческий меч доброй франкской работы.

В один прекрасный вечер, в ту пору, когда румяные сумерки незаметно растворяются в синеве и над полоской зари загорается первая звезда, из усадьбы выходит вереница людей. Возглавляют и замыкают шествие воины со смоляными свечками на палках.

Под подошвами сапог хрустит наст. Один из воинов несёт петуха, и петух недовольно квохчет. Шествие направляется вверх по склону холма. На его вершине, на поляне, окружённой старыми корявыми соснами, стоит идол Одина.

Среди идущих нет рабов, нет зависимых людей, нет женщин, здесь только свободные мужи, только воины. Вон тот седой старик с длинной бородой и длинными волосами, на котором драгоценный багряный плащ, подбитый бобром, сам конунг Хальвдан Чёрный. Его окружают немолодые дружинники, долгие годы разделявшие с ним все превратности судьбы.

Достигнув вершины холма, воины заполняют поляну, обступают Одина. В ушах у него висят большие серьги, усыпанные сверкающими камнями, на шее несколько золотых гривен, руки унизаны запястьями.

Полоска зари на западе угасает, и одноглазый Один, освещённый колеблющимся пламенем светочей, кажется грозным и страшным. Выхваченные огнём из темноты, стволы и сучья сосен похожи на обнажённые человеческие тела, скрюченные судорогой страданий. Глядя на них, невольно вспоминаешь о человеческих жертвах, приносимых здесь на огромном камне у подножия идола.

Кукше указывают его место – перед лицом Одина, близ камня-жертвенника. Кукша здесь единственный, кто стоит с непокрытой головой. Его обходят четыре воина, они совсем юные, едва переступившие отроческий возраст, у каждого из них в правой руке яркий, только что зажжённый светоч. Юноши становятся с четырёх сторон от Кукши – с севера, востока, юга и запада – и замирают в неподвижности.

Воцаряется тишина, которую нарушает лишь потрескивание горящих светочей и квохтанье петуха.

К Кукше медленно приближается конунг Хальвдан, в руках у него большие ножницы. Он поднимает с Кукшиного затылка прядь волос и отстригает её. После этого конунгу подносят меч на широком узорном поясе. Конунг отдаёт ножницы, принимает меч и собственноручно опоясывает Кукшу. Кукша чувствует, как широкий пояс подпирает ему нижние рёбра, от чего он кажется себе выше и стройнее. У старого конунга не сразу получается застегнуть большую блестящую пряжку. Кукша хочет ему помочь, но не смеет пошевелиться.

Наконец пряжка застёгнута. Теперь к Кукше подходит Хаскульд и вручает ему щит. Вслед за Хаскульдом выступает Тюр и надевает на обнажённую Кукшину голову блестящий сарацинский шлем.

Сейчас Кукше надо сказать то, что он выучил ещё накануне. В горле у него сухо от волнения, чужим голосом он произносит:

*В битве не струсит,
Друга не выдаст
Тот, кто звенящим
Мечом опоясан,
В царстве подземном
Не место мужчине —
Ждёт его Один
В светлой Вальгалле.*

Кукше подают петуха и большой тяжёлый нож. Он должен отсечь петуху голову и вылить из него кровь на жертвенник у подножия Одина. Звучит высокое тонкое пение рогов, ему вторят грубые голоса барабанов, похожих на лукошки для мёда.

Отныне Кукша – мужчина, отныне он воин, теперь от него самого зависит добыть себе славу и богатство. Вереница воинов возвращается в усадьбу, там будет пир в честь новопосвящённого.

Кукше кажется, будто он не идёт по мёрзлому снегу, а плывёт по воздуху. Его переполняет гордость, никогда ещё это чувство не владело им с такой силой.

Глава десятая

Харальд и Кукша братаются

Слушая разговоры викингов о том, как весной они отправятся в поход, Харальд хмурится. Сейчас, после посвящения Кукши в воины, ему ясно, что Кукша уплывёт с викингами.

Однажды Харальд не выдерживает.

– Возьмите меня с собой! – просит он Тюра.

Озадаченный, Тюр не сразу находит что ответить.

– Об этом не может быть и речи! – говорит он наконец.

– Почему?

– Тебя отец непустит.

– Ну, это мы ещё посмотрим!

С этими словами Харальд выходит из гостевого дома. Весь тот день его никто больше не видит, и в гостевом доме он не ночует. Понятно, что конунг Хальвдан отказал ему. Наутро он всё-таки появляется.

– Весной, когда вы отправитесь в поход, – говорит он Тюру, – я убегу с вами. Отец всё равно простит меня, когда я вернусь с добычей и славой.

– Нет, – отвечает Тюр, – мы тебя не можем взять. Хаскульд не захочет ссориться с Хальвданом. Ты сам это должен понять.

Харальду нечего возразить, и он умолкает.

Оставшись наедине с Кукшей, Харальд просит его:

– Не едь в поход, останься со мной, мне будет скучно без тебя. Подождём, пока мне исполнится двенадцать лет, и отправимся вместе.

– Что ты! Они нипочём не оставят меня! – отвечает Кукша.

– Но ведь ты не раб, хотя они и взяли тебя в плен! Это твоё дело – ехать или оставаться. Ты такой же гость моего отца, как и все другие.

– Да если я вздумаю остаться, они увезут меня насильно, как из моей родной Гардарики. Не для того они меня сюда тащили, чтобы поселить в вашей усадьбе.

– Я спрячу тебя, – продолжает уговаривать Харальд, – и им придётся уплыть без тебя.

– Они спросят про меня у конунга, и он всё равно выдаст меня им.

– А я, – подхватывает Харальд, – попрошу отца не отпускать тебя, я скажу ему, что ты мне нужен, что ты мой будущий дружинник. Ведь ты теперь свободный муж и волен служить кому захочешь. Вот увидишь, отец послушается меня. И пусть они посмеют украсть тебя, как украли в твоей Гардарики!

– Нет, нет! – испуганно восклицает Кукша. – Только не проси отца!

– Почему? – удивлённо спрашивает Харальд.

– Не проси его меня оставлять! – умоляет Кукша.

– Но почему?

Кукша молчит, угрюмо глядя в сторону.

– Почему?

– Мне надо быть в походе, – выдавливают Кукша.

– Вот ты какой друг! – обиженно восклицает Харальд. – Подождать немного и отправиться в поход вместе со мной ты не хочешь, а с ними хочешь!

– Я должен быть с ними!

– Скажи почему, и я отстану от тебя.

– Не могу, – тихо, но твёрдо отвечает Кукша.

Глаза Харальда засветились любопытством. У Кукши есть какая-то тайна! Харальд не отстанет от него, пока не узнает, в чём дело! Однако упрямый Кукша не желает рассказывать.

Несколько дней Харальд выпытывает у Кукши его тайну, прибегая ко всяким уловкам и ухищрениям, но успеха не достигает. Наконец он смиряется. Или делает вид, что смирился. Однажды он предлагает Кукше смешать кровь. Если два человека смешивают в земле свою кровь, они становятся братьями навек.

Харальд и Кукша идут в оружейную. Там они укрепляют в земле два испещрённых рунами копьа так, чтобы наконечники скрещивались наверху, а между вкопанными в землю древками было расстояние в два шага, и выкапывают ямку как раз под скрещением наконечников. После этого они проходят рядом в образовавшиеся ворота, каждый надрезает левую ладонь и поливает кровью выкопанную землю. Перемешав землю с кровью, они заполняют ямку этой землёй и затаптывают её так, как будто здесь ничего и не было. Потом они опускаются на колени, клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Встав, они подают друг другу руки.

Отныне Харальд и Кукша – побратимы. Отныне у них всё общее – и радость, и горе, они должны помогать друг другу в беде и, если надо, делиться последним, отныне у них нет тайн друг от друга.

Харальд больше не в силах терпеть, он сгорает от любопытства. Едва они выходят из оружейной и прикладывают к порезам снег, чтобы унять кровь, как он объявляет с торжеством в голосе, что теперь-то уж Кукша ему расскажет, что у него за нужда непременно отправиться в поход с викингами, они побратимы и не должны ничего скрывать друг от друга!

Кукша ошеломлённо хлопает глазами. У него мелькает подозрение: уж не за тем ли только, чтобы выведать его тайну, затеял Харальд с ним побрататься? Нет, не может быть! Ведь каждый с пелёнок знает, что побратимство – дело нешуточное.

Однако делать нечего, Кукше приходится поведать своему побратиму обо всём, ничего не утаивая.

Никогда ещё Харальд не слушал его с таким вниманием. Он негодует, если Кукша рассказывает слишком торопливо или недостаточно подробно. В самых волнующих местах он заставляет Кукшу замедлять повествование, перебивая его разными вопросами, чтобы подольше насладиться волнением. Кукша уже не помнит многих подробностей, и, сам того не замечая, придумывает их, чтобы украсить свой рассказ.

Глава одиннадцатая

Варяги в Домовичах

Дело было весной, рассказывает Кукша, возвращаясь я из лесу с возом хвороста, в деревне тихо, только куры квохчут да ребятишки малые играют. Мне-то играть некогда, с той поры, как отца убили, я и сею, и пашу, и сено кошу. Словом, вся работа мужская на мне – один ведь я мужик в семье остался. И другие мои сверстники так же. Мужиков-то почти всех без мала побили княжеские дружинники.

За что мужиков побили? А вот за что.

Притесняли нас сильно варяги – сборщики княжеской дани – с каждым разом всё больше и больше им давай. Не выдержали мужики, однажды на сходке решили: побьём, мол, варягов, если опять потребуют больше против прежнего.

Сказано – сделано. Весной приплывают варяги и требуют столько, что и захочешь отдать, да неоткуда взять. Мужики помнят уговор, побросали сохи да бороны, похватали мечи да топоры и побили сборщиков. А которых живьём взяли, тех казнили по обычаю. Пригнули к земле два дерева, привязали руку-ногу к одному дереву, руку-ногу – к другому и отпустили. У нас всегда татей¹¹ так казнят.

На другой год присылает князь воеводу с дружиной – наказывать. Крепко бились мужики, однако сила солому ломит: почти все полегли. Так и осталась деревня без мужиков.

Возвращаясь я, значит, из лесу с хворостом. Вдруг слышу крик:

– Плыву-у-ут!

А кто плывёт, ясно: гости незванные-непрошенные. Гляжу на реку, река на солнце сверкает – больно глазам. Однако различаю: сверху идут четыре лодки, в каждой по две пары вёсел, по человеку на весле. Шибко гребут, скоро здесь будут. Народ высыпал из домов, все на реку глядят.

Погодя утыкаются лодки носами в берег. Выскакивают из них варяги, народ рослый, как на подбор. У каждого щит, копьё, меч и секира. Вдвое против прежнего стал посылать князь людей после того случая. Значит, вдвое больше народу надо поить и кормить.

Наш старейшина встречает варягов хлебом-солью, кланяется. Да и как не кланяться, коли знает он, что мало собрали домовичи беличьих и кунных шкурок, меньше того, что установил ладожский князь? А где взять установленное? Мужиков-то перебили, охотиться теперь некому.

Ведёт старейшина варягов в дом, там для них дань приготовлена и стол накрыт. Сядут варяги за стол, а снохи старейшины начнут обносить гостей хмельным мёдом да снedyю. Сколько захотят варяги, столько и прогостят – помелом ведь их не выметешь.

Стали варяги смотреть дань, и, конечно, мало им показалось, говорят: давайте ещё столько. Старейшина опять кланяться, упрашивать: нет, мол, больше, неоткуда взять. А те и слушать не хотят, не дадите добром, сами найдём, где взять, разделились по двое и пошли шарить по избам да по клетям.

Я на дворе был, когда двое к нашему дому подошли. Один чёрный с горбатым носом, другой рыжий великан в рогатом шлеме, издали поглядеть – бык на задние ноги встал. Это были Тюр и Свавильд.

Стою я разинув рот и гляжу, как они к сеням подходят, как Свавильд под притолокой сгибается. Он мне сразу не понравился – дух от него ненавистный.

Опомнился я, бегу вслед за ними в сени. Свавильд хочет в клеть войти, где одёжа лежит, а матушка встала перед дверью и не пускает его.

¹¹ Тать – вор.

– Бояре, – говорит, – добрые! Пожалейте сирот, не забирайте одежи!

Свавильд её, конечно, не слушает, да и не понимает он по-нашему. Скалится, хватает матушку ручищей своей, вроде как играет. А матушка руку его отталкивает, своё твердит. Он снова тянется к ней, и вижу я, что матушка сердится! Оказывается, обижает её Свавильд!

Заревел я дурным голосом, бросился на Свавильда и что есть силы боднул его головой в живот. А у него под одежей железо. Ушибся я и ещё пуще рассвирепел, колочу варяга кулаками по чём попало.

Рассердился варяг и отшвырнул меня. Потом матушку оттолкнул от двери, да так, что полетела она в угол, на вёдра и ушаты. Вскрикнула матушка, гляжу, а из руки у неё хлещет кровь – напоролась она в углу на топор.

Тут уж я совсем разум потерял, схватил топор и прыгнул к Свавильду. Однако Тюр меня поймал и отнял топор. Подскочили ко мне сёстры, утащили из сеней в избу. Я реву, вырываюсь, сёстры плачут, умоляют меня утихнуть: пожалей матушку, мол, и всех нас, кабы хуже нам не сделали.

Затих я помаленьку. Вижу, матушка в избу входит, рука у неё тряпицей замотана, а тряпица от крови намокла. Я уж больше не реву и не говорю ничего, только думаю: надо отомстить за материнскую кровь. Каждый знает, если кровные обиды, обиды рода, остаются неотомщёнными, душа рода начинает хворать, чахнуть и может вовсе погибнуть. А ведь для человека нет беды страшнее. Лучше погибнуть самому, чем дать погибнуть роду.

Глава двенадцатая

В засаде

На другой день я с самого утра слежу за варягами. Наконец вижу, собираются в дорогу, деревенских коней навьючивают – ниже по реке порог, на лодке плыть опасно, нужно обходить посуху.

Побежал я в бор и притаился среди можжевёловых кустов близ тропки, по которой пойдут варяги. Размотал пращу, камень в неё заложил, жду. На поясе мешок висит, в нём запасные камни.

Надо, думаю, попасть рогатому в рожу, раз он в шлеме и в панцире, иначе моя затея ни к чему. Я, ожидая, всё прикинул, всё предусмотрел – и чтоб ветки не помешали пращу раскрутить, и чтоб варяги меня раньше времени не заметили.

Сосны шумят, порог бушует, однако слышу – конские копыта по песку стучат, глухо так – тук, тук... Это варяги вьючных коней в поводу ведут. Ну, Кукша, готовься!

Показались копыта среди сосен, плывут, покачиваются над кустами можжевельника, а самих варягов ещё не видать. Но вот и они – один за другим проходят по открытому месту.

Страшно ли было? Нет, не страшно. Коли боишься, и не берись за такое дело – сиди за прялкой или за кроснами.

Гляжу, вот и мой идёт. Раскручиваю пращу, отпускаю конец. И надо ж было ему, шишку¹² рогатому, споткнуться о сосновый корень! Камень мой вместо рожи его красной попал ему по рогу, зазвенело на весь бор, будто в гусли ударили.

¹² Шишók – сказочное существо, враждебное человеку.

Глава тринадцатая

Погоня

Мне уж некогда другой камень в пращу закладывать – Свавильд не мешкает, сразу за мной припустился.

Бегу я в глушь лесную, слушаю, как позади сапожищи топчут, а сам думаю: погоди, уж, заманю тебя в дебри лесные, наиграюсь с тобой всласть, загоняю до седьмого пота, а потом и влеплю камень в рожу твою ненавистную.

Мне сперва показалось, что ему меня нипочём не догнать, я налегке, а на нём и сапоги, и шлем, и панцирь, и даже щит болтается за спиной. Бегу себе, мешок с камнями рукой придерживаю, чтобы не мешал, даже веселюсь: сыграю, мол, я с тобой шутку, шишок рогатый.

Слышу, топот вроде ближе стал. Я нажимаю. Однако Свавильд не отстаёт. Не знал я варягов, особенно этих, которые у вас берсерками зовутся.

Камни мне мешать начали. Все равно, думаю, не даст мне рогатый метнуть в него камень. Отвязываю мешок, кидаю его назад через голову. Оглядываюсь, вижу, озадачил я его. Остановился он, поднял мешок, высыпал камни на мох. А как понял, что я над ним посмеялся, закричал что-то и опять за мной!

Без мешка бежать легче. Однако мне уже не до шуток, надо голову спасать. Поворачиваю я обратно к реке. Топот сзади не отстаёт. До чего ж силён проклятый варяг! Сам-то я бегу из последних сил, дышу, как кузнечные мехи, лицо горит, точно в бане на полкё.

Только бы, думаю, мне сейчас на варягов не выскочить. А далеко обегать их моченьки моей уже нет. Наконец увидели нас варяги. Гляжу, один варяг лук из налучника достаёт, стрелу из тула тянет. Конец, думаю. Однако другой его останавливает. Уж не ведаю, меня ли пожалел или не захотел, чтобы тот помешал Свавильду самому меня прикончить.

Варяги смотрят на нас, смеются, что-то кричат, видно, подбадривают, точно мы со Свавильдом наперегонки бежим.

Из-за деревьев река в глаза светом ударила. Ну, кажется, ушёл я от рогатого. Выскочил на скалу, подо мной стремнина бурлит, пеной плюётся – в том месте скалы сжимают реку, ей тесно, она и бесится.

Наши домовичские ребята ту стремнину знают как своя пять пальцев: где нырнуть нужно, чтобы в вир не затянуло, где перевернуться вперёд ногами, чтобы головой о камень не ударило. Мы туда летом ходим прыгать. Неведомо, кто и когда придумал эту забаву. Называется то место Отрокова стремнина. Гибнет ли кто-нибудь? А как же, конечно, гибнут. Только редко. Кто не очень ловок, тот ведь и не лезет.

Выскочил я, значит, на скалу, а прыгать боязно – вода-то в эту пору студёная. Однако думай не думай – прыгать всё равно надо. С той скалы пути уже больше никуда нет. Помянул я Сварога, главного нашего бога, помянул Водяного и прыгнул.

Глава четырнадцатая

Варяжский пленник

Обожгло меня, точно я в кипятке очутился. С непривычки чуть память не отшибло – я ведь никогда прежде в этакую-то пору не купался. Однако одолел я всё же Отрокову стремнину.

Ниже по течению река опять становится шире, стремнина распадается на несколько потоков, тут сила её иссякает. Выбрался я из воды и по россыпи валунов перешёл на другой берег.

Выжал рубаху, повесил сушить на можжевёловый куст. Сам бегаю, прыгаю вокруг, чтоб согреться; сильно я продрог, вода-то холоднее, чем в ключе.

Влез на сосну, поглядеть, не блестят ли на том берегу варяжские шлемы, не мелькают ли копья. Нет, не видать, хотя должны бы уж показаться.

Пониже стремнины брод, там варяги перейдут на этот берег. Мне нужно подождать, пока они реку перебредут и дальше отправятся, а потом воротиться на свой берег – и домой.

Жду-пожду, варягов нет. Рубаха моя высохла, надел я её. Когда согрелся я и зубами-то лязгать перестал, опять начал думать про месть. Досадно мне, что не сделал я дела, жаль упускать проклятого варяга. Думал-думал и решил ещё раз попытать счастья у брода.

Отыскал два хороших голыша, пошёл к броду и сел ждать. Место там не такое удобное, как было в бору, да делать нечего. Метну, думаю, в рогатого камень, пока он ещё на реке будет, чтоб успеть удрать. Только бы он шёл не в хвосте!

Удрать-то там просто. За сосняком болота начинаются, больно хороши там трясины. Я те болота насквозь знаю – мы туда за клюквой ходим. Если незнающие погонятся за мной, то на свою погибель.

А варяги всё не идут.

Солнышко греет, так хорошо, тепло, спокойно, будто и нет на свете никаких варягов. Начинает меня долить дремота. Только бы не уснуть, думаю. А сон тут как тут.

Проснулся я, когда меня уже за руки схватили и над землёй подняли. Проспал я варягов!

Тащат меня, а я брыкаюсь что есть мочи. Пустое это дело, конечно, руки-то у них как клещи. Однако что ж мне ещё остаётся делать? Рычу я и всё вырваться норовлю, точно зверь из капкана.

С реки цепочкой поднимаются варяги, и в самом хвосте Сзавильд. Увидел меня, глаза кровью налились, что у быка бодучего, хрипит, на губах пена. Выхватывает меч и кидается ко мне.

Тут Хаскульд как гаркнет что-то громовым голосом. Ссавильд и ухом не повёл. Тогда Хаскульд швырнул ему под ноги щит, Ссавильд споткнулся и упал.

Упасть-то упал, а меча из рук не выпустил, что значит воин! В тот же миг вскакивает и с воем кидается на Хаскульда. Тут подоспели остальные, сдавили его щитами, а Хаскульд вышиб меч у него из рук.

Мало-помалу Ссавильд успокоился, и его отпустили. Дышит тяжело, будто на нём целый день пахали, того гляди, панцирь лопнет. Нагнулся, поднял свой щит. На него никто не смотрит. Больше уж он не пытается меня убить, спокойно прячет меч в ножны.

Не понимаю я, с чего это Хаскульд за меня заступился.

Вижу, однако, что и варяги не понимают. Глядят на предводителя, словно ждут, чтобы он растолковал им, в чём дело. Иные хмурятся – недовольны, видать.

Хаскульд словно усмехается, а после говорит им что-то. Гляжу, варяги повеселели, головами кивают, улыбаются: видно, по сердцу им то, что он им сказал. И уж совсем дивное дело – на меня поглядывают ласково, точно я у них гость долгожданный. Лопочут мне что-то, только без толку, я ведь тогда ни слова не знал по-варяжски.

Плыву я в лодке с варягами и думаю: хорошо быть оборотнем! Обернуться бы вороном, полететь обратно в Домовичи, удариться оземь перед матушкой и обернуться опять отроком: здравствуй, родная матушка, вот он я!

Везут меня неведомо куда. Уплывают назад пороги-перекаты, уплывают тихие плёсы. Берега проплывают мимо, словно прощаются со мной и торопятся назад, к моему дому. А дом-то от меня всё дальше и дальше, и на сердце тоска.

Перебрались на другую реку. Сiju в лодке, и одно у меня дело: думать. За всю жизнь я столько не передумал, сколько за ту дорогу. Теперь я пленник. В рабство, наверно, меня продадут. Однако удивительно мне, что варяги так ласковы со мной, никто никогда пальцем не заденет, есть дают что получше. Не слыхивал я, чтобы с рабами так обходились.

Тюр, тот добрее всех, – учит меня варяжским словам, достал мне одежду потеплее, я ведь из дому в одной рубахе ушёл, следит, чтоб наедался досыта. Не о каждом отец родной так печётся, как чернобородый Тюр обо мне.

Только рогатый Свавильд косо на меня поглядывает, однако и он ничего плохого мне не делает.

А я всё думаю, думаю: о матушке, о сёстрах, о погибшем отце, о роде домовичей. Кто ж теперь будет мстить за обиды нашего рода? Я вон попытался, и ничего у меня не вышло. Может, я мал ещё и взял на себя дело не по силам? Много слышал я песен и преданий про подвиги местников за наш род, но не слышал, чтобы там говорилось про отроков вроде меня.

И решил я убежать при первом удобном случае. Вернусь, думаю, в Домовичи, подрасту, стану настоящим сильным воином, а тогда разыщу Свавильда и убью его.

Глава пятнадцатая

Ладога

Плывём мы вниз по реке, смотрю, она становится всё шире и шире. Только что было тихо, солнышко припекало, а тут, откуда ни возьмись, потянуло свежим ветром. Я глянул вперёд, а берега не видно, только вода и небо. Догадался я, что это великое озеро Нево. Слышу, и варяги то же говорят.

На том озере волны не хуже, чем на море. «Нево» на чудском языке и значит «море». Раз поднялся такой сильный ветер, пока мы плыли по нему, что наши лодки даже на берег выбросило. Хорошо, там камней не было, песок один, а то бы разбило в щепки.

Миновали озеро Нево, вошли в устье большой реки и поплыли вверх по течению. Тюр говорит мне: Волхов. И про эту реку я слышал. Говорят, она прежде называлась Мутная, потому что она и вправду мутная.

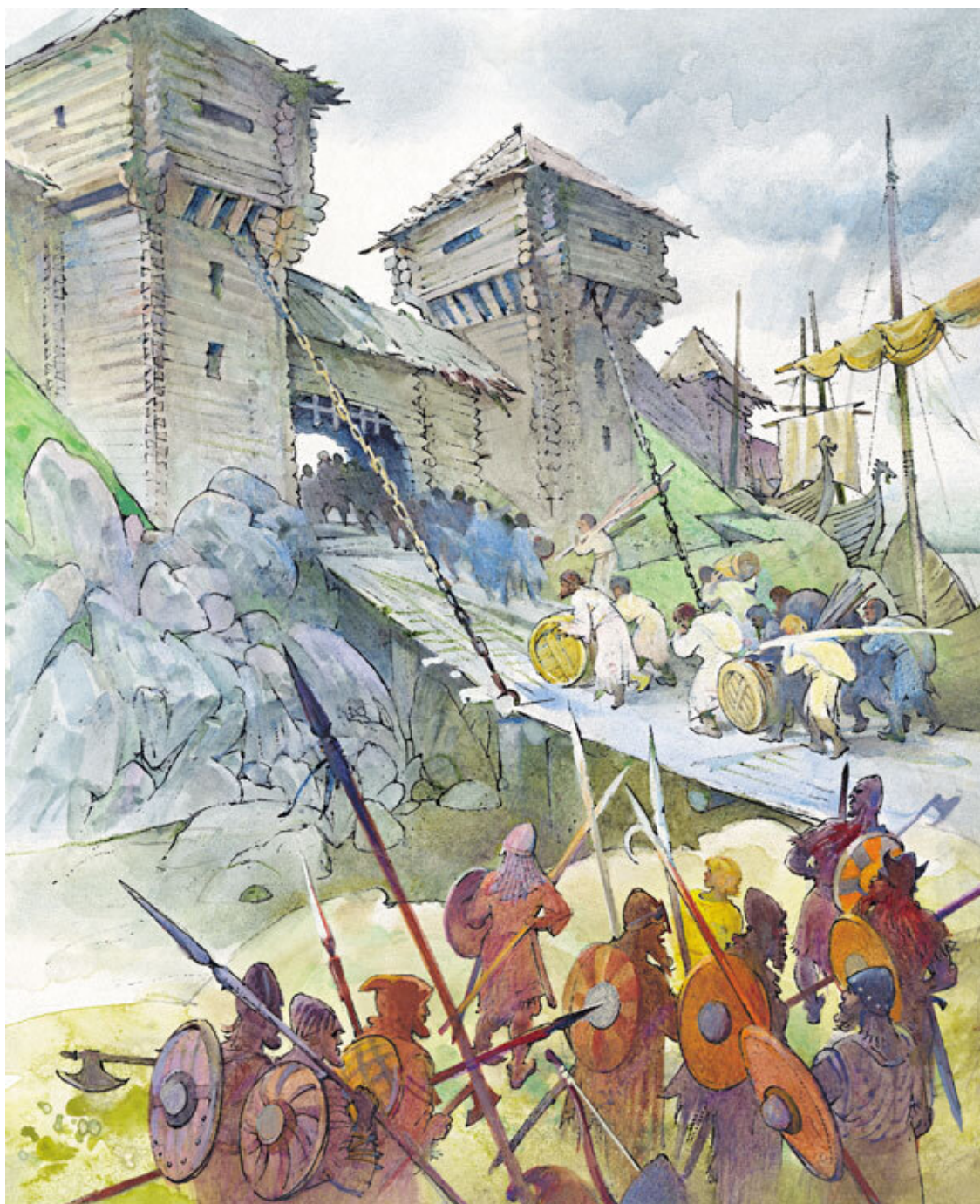
По берегам Волхова лес не тянется сплошной стеной, как у нас, больше поля да деревни. Недолго мы там плыли, глядь – за поворотом детинец: крутой земляной вал, на нём бревенчатые стены и башни. Кругом домики. Тюр говорит:

– Ладога!

Так вот где, думаю, сидит ненасытный варяжский князь, которому, сколько ни собирай белок, куниц да соболей, всё мало!

Подплываем мы к Ладоге, а там по берегу лодок и кораблей видимо-невидимо! Дивно мне: я таких больших судов сроду не видывал, да ещё у каждого на носу на длинной шее голова страшная скалится. Оторопь меня взяла: уж не сам ли чародей Волхв тут по-прежнему княжит?

Что за чародей? А вот послушай. В незапамятные времена пришёл на берега этой реки великий муж, по имени Словен, и сел там с родом своим. От него и пошло наше племя – словене. Старшего сына его звали Волхв. Был Волхв исполин ростом и знаменитый оборотень. Обращивался он змеем лютым и залегал в реке, на пути у тех, кто по ней плывёт. Всех, кто не хотел ему поклоняться, он либо пожирал, либо, истерзав, топил. От него река Мутная и прозвалась Волховом. Его-то я и вспомнил, как увидел страшные головы на корабельных носках.

Пристали мы к берегу. По берегу народ снуёт. С оружием, без оружия – всякий. Я никогда столько людей зараз не видел. Гляжу, варяги мои лодок с княжеской данью сами не разгружают и мне не приказывают – всё за них рабы делают. Рабы, как один, бритоголовые, в железных ошейниках. Рубахи на них драные, верёвками подпоясанные.

Поднялись мы на берег, идём к детинцу. Рабы мешки тащат, мы налегке идём. Непохоже, что варяги мне рабскую долю готовят. А что у них на уме, не ведаю.

Перешли по мосту через речку малую, входим в детинец. Много в детинце разных построек – и конюшни, и людские, и кладовые, однако я сразу понял, которая тут княжеская изба. Не потому, что она самая большая, а потому, что над нею, на коньке, опять голова страшного змея возвышается.

Не зря, думаю, я рассудил, что ладожский князь – змей-оборотень. Тут всюду его знаки. Теперь понятно, почему варяги не убили меня, почему так заботливо кормили всю дорогу и

сейчас не заставили ничего тащить вместе с рабами – они меня холили, потому что решили принести в жертву змею-людоеду, своему князю. Похолодело у меня в животе.

Глава шестнадцатая

Пир у ладожского князя

Мы угадали как раз на княжеский пир. Князь обрадовался, встал навстречу, Хаскульда и Тюра усадил возле себя, на своё княжеское сиденье. Для остальных тоже место нашлось. Меня посадили рядом со Свавильдом.

Я боюсь смотреть на князя, а не смотреть не могу. Князь – настоящий великан, глазищи, как сковороды, ручищи, как лопаты. Волосы светлые, длинные, чуть не до колен, борода в две косички заплетена, торчат те косички вперёд, точно раздвоенное змеиное жало. На шее у князя золотая гривна, на ней молоточки нанизаны. Сиденье княжеское двумя столбами резными украшено, на каждом по идолу, один молот к груди прижимает, другой так стоит. Теперь-то я знаю, что это варяжские боги Тор и Один, а тогда не знал.

Смотрю я на князя и всё жду, что со мной дальше будет. Сызмала я наслышан, что уж больно любят великаны-людоеды свежую человечину, особенно ребят, таких, как я. Хоть бы я ему не понравился!

Пока, вижу, он за меня приниматься не собирается, налегает на конину да на зверину. Там на столе всего полно – жареное, пареное, варёное; мясо, рыба, овощи. Поглядываю на дверь – нельзя ли удрать незаметно? Однако, пока не напьются, об этом нечего и думать.

Ещё когда пристали к Ладоге, приметил я на берегу хорошие маленькие челноки, одному как раз впору. Вот все напьются, думаю, выберусь отсюда, столкну один из тех челноков в воду – и поминай как звали! Только бы поскорей напилась!

Ем впрок, неизвестно, когда ещё придётся есть, прячу куски за пазуху. Увидел на столе нож, сунул за пояс – пригодится.

Вдруг замечаю, что на меня все смотрят. В чём дело? Может, заприметили, что я хлеб прячу? Оказывается, князь велел наполнить рог мёдом и дать его мне. Ну, думаю, добираться и до меня! Только я ему в руки так не дамся!

Подходит ко мне рабыня, подаёт рог. Я взял его и не знаю, что дальше делать. Свавильд говорит:

– Пей!

Это-то я уж выучился понимать по-варяжски. Выпил рог, и закружилось у меня в голове. Всё мне стало трын-трава. А Хаскульд что-то рассказывает князю, тот смеётся и на меня поглядывает. Ближе, думаю, мой конец. Только погоди радоваться, змей ненасытный, я хоть мал, да удал!

От мёду того хмельного сделался я храбр не в меру.

Слышу, зовёт меня Хаскульд: поди, мол, сюда! Взглянул я: нож у меня за поясом. Встаю, иду к ним. Страху ни на мизинец. Подхожу, а сам глаз с князя не спускаю, чтобы не застал он меня врасплох.

Звал-то меня Хаскульд, но я знаю, что к князю он меня звал, потому и останавливаюсь перед князем: вот он, мол, я! Улыбается князь, берёт своей ручищей меня за подбородок. Я недолго думая выхватываю нож из-за пояса и ему в ручищу!

Пнул он меня ногой в живот так, что я через очаг перелетел и плюхнулся у ног Свавильда, без мала на своём месте очутился. Поднял меня Свавильд с полу, посадил, вернее сказать, положил на лавку. Долго я разогнуться не мог, а когда разогнулся, вижу, спускает князь рукав, кто-то уже успел перевязать ему руку чистой тряпицей.

Князь улыбается кисло, точно у него полон рот клюквы, опять велит рабыне подать мне рог с мёдом. Тюр смотрит на меня, головой качает. Хаскульд сидит хмурый, в пол уставился.

Выпил я рог, глядь: снова передо мной рабыня с мёдом. И все кругом тоже стали пить больше прежнего. Однако показалось мне, что давешнего веселья уже нет. После четвёртого или пятого рога свалился я с лавки и, что дальше было, ничего не помню.

Глава семнадцатая

Попытки бежать

После того пира очнулся я в дружинной избе. Весь день пролежал как мёртвый после мёда княжеского, а Тюр меня молоком отпаивал. Если бы кто-нибудь надо мной тогда копьё занёс, я бы не пошевелился – убивай на здоровье, мне жизнь не дорога. Так худо мне было.

Отошёл я, живу себе, князь меня не трогает, варяги на меня не гnevаются, словно и не было ничего. Дивное дело. Однако в другой раз меня на пир уже не взяли. А мне только того и надо.

Дождлся я темноты и прокрался к стене детинца. Тихо-тихо взбираюсь по лестнице. Сапоги мне Тюр подарил, так я их ещё в дружинной избе разул, чтобы дозорные шагов моих не услышали.

Взошёл наверх, внизу Волхов-река чернеет, светлая дорожка от месяца по воде на тот берег убегает. Стал я спускаться по стене снаружи. Как уж я там голову не сломал! Это не то, что по углу избы лазить. Детинец хитро строили, все бревна вровень стесали.

Спустился я кое-как до земляного вала. Что дальше делать? Свернулся калачиком, обхватил руками колени, пригнул голову, сколько можно, и – была не была! – покатился вниз. Как ни берёг голову, всё же ударился внизу о камень и память потерял.

Не знал я, когда побег затевал, что варяги на кораблях стражу на ночь оставляют. Эти-то сторожа услышали меня, когда я на берег скатился, и подобрали, беспмятного.

Опять мне от варягов никакого наказания, только, если на пир идут, оставляют со мной раба – стеречь меня. А Тюр пуще прежнего со мной возится, даже стал меня воинскому делу обучать, особенно бою на мечях.

Приметил я как-то в конюшне длинную верёвку, видно, с зимы валяется, сено ею на возу перехлёстывали. Закопал я её в углу под соломенной трухой. Нашёл вожжи старые, выброшенные – туда же снёс. Так помаленьку набралось у меня верёвок изрядно.

И вот однажды ночью вышел я из дружинной избы до ветру – а сам в конюшню! Связал я там все свои верёвки крепко-накрепко и смотал в моток. Моток большой, тяжёлый получился. Надел я его на себя через голову и пошёл. Поднялся опять на стену детинца, привязал верёвку к столбу и начал спускаться. В этот раз спустился без шума, отвязал челнок и поплыл.

На другой день догнали меня варяги. Плыл я уже по озеру Нево. Солнце клонилось к закату. Ещё издалека завидел я погоню – сперва там, где небо с водой сходится, показалась чёрная точка, потом точка в жучка превратилась. Машет лапками жучок – вверх, вниз, вверх, вниз. Это вёсла поднимаются и опускаются.

Гляжу я по сторонам, а спрятаться некуда – я и сам как муха на полотенце. Мелководье да ровный берег песчаный. Повернул я всё же к берегу, гребу изо всех сил. Слышу, зашуршал мой челнок днищем по песку и сел. Выскочил я из него, вода мне по щиколотку, бегу, только брызги во все стороны. Добежал до берега – ни деревца, ни кустика, один песок, и края ему не видать.

Словом, поймали меня и привезли обратно в Ладогу. И, веришь, опять ничего не сделали. Князю меня не отдают, в рабство не продают, за побег не наказывают, Тюр со мной, как с сыном, возится. Чудно!

Глава восемнадцатая

Варяги отправляются в путь

После того пира, на котором я князя ножом пырнул, Хаскульд хмурый ходит. И другие из его ватаги тоже не так веселы, как прежде. Что-то у них с князем вышло. Из-за меня, видно.

Гляжу, собираются мои варяги в путь-дорогу. Корабль осмотрели, починили, где надо, продовольствия запасли, добро погрузили и отправились. Меня, конечно, тоже не забыли. Один из тех кораблей, что удивил меня в Ладоге, оказался их. К ним ещё присоединились некоторые варяги из княжеской дружины.

На носу корабля голова какого-то лютого чудища. Тюр называет его драконом. И сам корабль называется «Драконом» из-за этого чудища. На корабле пятнадцать пар вёсел, каждым веслом гребёт один человек. Гребут все по очереди, только меня не заставляют – больно велики вёсла.

Вышли из устья на озеро Нево. Сперва на север плыли, чтобы мели миновать, потом повернули на запад. Тут ветер стал попутным, корабельщики оставили вёсла, подняли полосатый парус. Корабль, как конь, вперёд рванулся. Управляется с ним теперь один кормчий кормовым веслом.

Варягам весело, а на меня тоска напала, хоть волком вой. Смотрю назад, где-то там далеко-далеко мой дом, и с каждым мигон он всё дальше. Увижу ли я его когда-нибудь? Завезут меня варяги на край света, откуда и птица назад дороги не найдёт, не то что отрок вроде меня!

Судя по сборам, варяги отправились теперь куда-то за тридевять земель. Добрый корабль «Дракон» при попутном ветре не плывёт, а летит. Когда расшибает носом волну, под носом у него вырастают огромные седые усы. Эх, думаю, «Дракон» ты, «Драконище», кабы не на запад ты плыл, а на восток!

Глава девятнадцатая

Чудская деревня

Озеро Нево позади осталось. «Дракон» влетел в исток большой реки. Немалая река Волхов, а эта больше! Здесь, вниз по течению да при попутном ветре, «Дракон» идёт ещё быстрее. Однако на склоне дня ветер стихает, варяги снова берутся за вёсла. Впрочем, гребут недолго, пора и на ночлег устраиваться. Пристают к берегу, снимают с корабельного носа драконью голову – боятся, как видно, прогневать здешних богов.

Чуть пониже стоянки деревня. Тюр и ещё несколько варягов отправляются туда. Тюр берёт меня с собой.

Входим в деревню, я, по обычаю домовичей, каждому встречному кланяюсь и доброго здоровья желаю. Не нашего языка здесь народ живёт, никто меня не понимает, хотя иные улыбаются и что-то лопочут по-своему, может, тоже здороваются. Смеаю, что чудины это. Всё же нашёлся один старик, ответил по-нашему: и ты, говорит, здравствуй! А сам улыбается. Только смешно больно говорит, тоже, видать, чудин.

Подшли мы с варягами к самой большой избе, навстречу нам хозяйка выходит. Я здороваюсь, и она здоровается, да так чисто, будто она из нашей деревни, и говорит, словно напевает, в точности как матушка. И пахнет от неё, как от матушки, дымом и парным молоком.

Варяги пришли сюда мёду купить. Продала она им, сколько просили, и стала угощать: наливает ковш из жбана и подаёт каждому по очереди. И со всеми заговаривает по-нашему, у одного спрашивает, хорош ли мёд, у другого – далеко ли путь держите. Никто, конечно, её не понимает. Догадался я, что это она нарочно, проверяет, не понимает ли кто из варягов наш язык.

Потом меня начала расспрашивать, кто я, да откуда, да как попал к варягам. Расспросила и опять с варягами разговаривает, только теперь уж по-варяжски. Вижу, она о чём-то их просит, потому что они головами мотают: нет, мол.

После того говорит она мне:

- Постарайся убежать ночью, когда они уснут, и приходи ко мне, я тебя спрячу.
- Хотела и мне мёду налить, потом передумала, наливает квасу.
- Ни к чему тебе мёд, – говорит, – после мёда слишком сладко спится.

Глава двадцатая

Ночной побег

Варяги – народ храбрый, однако осторожный. Ночуют на «Драконе», а «Дракона» на якоря поставили в нескольких саженях от берега.

После доброго ужина все спят крепким сном. Мёду за ужином один я не пил. Угощали меня, конечно, да, спасибо, Тюр заступился. В темноте на берегу ещё уголье тлеет, где пировали варяги. Тихо. Только спящие храпят да быстрая вода речная у борта журчит.

Я ощупью пробираюсь на корму. Месяц ещё не взошёл, темно, как в подполе, даже собственных ног не видно, того гляди, наступишь на кого-нибудь. Хорошо, если на латы или шлем, – не страшно, только ноги холодно, а ну как на руку или на лицо...

Так и есть! Чувствую, тёплое – чья-то рука. Отдёрнул ногу, будто на змею наступил, замер. Ничего, обошлось, помычал варяг и затих.

Пошёл дальше – кому-то на бороду наступил. Этот закричал по-варяжски, умолк, а потом заговорил сердито. Я стою ни жив ни мёртв. Пробормотал что-то варяг и снова захрапел.

Конечно, проще было сразу прыгнуть за борт, чем пробираться на корму, да боялся я: вдруг кто-нибудь услышит всплеск и решит, что пьяный варяг за борт свалился. Поднимут тревогу, запалят светочи, начнут искать.

Добрался я до кормы, ухватился за якорный канат и спустился в воду. Вода студёная, сразу-то даже вздохнуть не могу, будто чёрствым куском подавился. Разжал я пальцы, и подхватило меня течение.

Вылезаю из воды, гляжу: далеко вверх по реке остатки варяжского костра мерцают, изрядно отнесло меня. Оно и лучше, к деревне ближе.

Припустил я бегом вдоль берега. Чтоб с пути не сбиться, на прибрежную воду смотрю, в ней звёзды небесные струятся-переливаются.

Вот и деревня – крыши на звёздном небе чернеют. Вышел на дорогу. Она за день нагрелась, ещё остыть не успела. Чувствую ногами тележную колею, навоз и следы от конских копыт. Вижу впереди огонёк, это та добрая женщина зажгла его перед волоковым оконцем, чтобы мне в потёмках не плутать, ища её избу.

Не успел я постучать, дверь отворяется, на пороге она сама. Обнимает, как родного сына, шепчет:

– Мокрый, бедняга, продрог!

Глава двадцать первая

Домовой

В избе тепло, пахнет квашнёй. Задвигает хозяйка заслонкой оконце, перед которым лучина горит, даёт мне переодеться.

– Теперь пойдём, – говорит, – отведу тебя в надёжное место.

Мне уходить неохота, хорошо у неё в избе, как дома у матушки, ребятишки по лавкам спят, и меня в сон начало клонить. Однако встаю и иду следом за ней прочь из избы.

Берёт она меня за руку и куда-то ведёт. Глаза к темноте по привычке, вижу: идём полем, различаю лес впереди. К лесу она меня и ведёт.

В лесу уже вовсе ничего не видать. Она дорогу знает, а я за ней как слепой иду. Шли мы, шли, наконец остановились перед хижинкой. Велит она мне нагнуться. Становимся мы с ней на колени, проползаем в низенькую дверь. В хижине просторно, посреди пола очаг, красные глазки в золе тлеют. У стены стоят идолы, один большой, другие поменьше. Это чудское капище. Женщина говорит:

– Здесь тебя не найдут.

Кидает она на угли бересту, раздувает огонь, приносит сухих дров. Хорошо стало, пламя над дровами приплясывает, дым к крыше, к волоковому отверстию поднимается. Светло, тепло. Приносит она охапку сена.

– Вот, – говорит, – тебе постель. Живи здесь, пока варяги не уплывут своей дорогой. А там видно будет. Еды здесь достаточно, боги всегда готовы поделиться с людьми, попавшими в беду.

Гляжу: возле идолов хлеб, рыба, мясо положены, деревянные чашки с кислым молоком стоят.

Женщина ушла, а я на сено лёг. Идолы на меня уставились, страшно мне, одно я себе твержу: наверно, добрые они, иначе женщина не привела бы меня сюда.

Лежу, гляжу на идолов, боязнь мало-помалу прошла, уютно. Проваливаюсь я куда-то, а на сердце сладко, весело.

Очнулся я в родной избе. Никого в ней нет. Посреди избы светёц стоит, в нём лучина горит. И лучина эта не простая – горит она и не сгорает.

Зову матушку, сестёр – никто не откликается. И вдруг вместо них невесть откуда является витязь. Усищи вот такие, шлем как жар горит, у пояса меч. Гляжу, а это Домовой, предок нашего рода. Я его сразу узнал, хоть и не видел никогда.

Взглянул он на меня грозным взглядом – оторопь меня взяла. Говорит он громовым голосом: «Ты хочешь вернуться домой, а сам ещё не отомстил за кровь матери!»

Откуда-то взялись матушка и сёстры, стоят у стены, как идолы чудские, кивают речи Домового. Хочу что-то сказать в своё оправдание и ни слова не могу вымолвить.

А Домовой пошёл к двери. У порога остановился, вынул меч из ножен и поставил его возле косяка. И сияет тот меч, что солнечный луч.

«Вот тебе меч. Убьёшь обидчика – вернёшься домой».

Матушка и сёстры опять кивают. Гляжу: где же Домовой? Дверь вроде не отворялась, а Домовой пропал, будто его и не было. Матушки и сестёр тоже не видать – вместо них у стены стоят недвижные чудские идолы. И меча нет – падает сквозь щель солнечный луч.

Глава двадцать вторая

Возвращение к варягам

Вылез я наружу – солнце уже высоко. И напал на меня страх: вдруг варяги уже уплыли? Огляделся я: капище, в котором я ночевал, посреди лесной поляны стоит, от двери тропка в лес убегает.

Припустился я по ней. Кругом сосны огромные, толстые, вьётся тропка между ними, через корни перепрыгивает. Бегу я и думаю: если варяги уплыли, мне конец. Зачем жить, коли отомстить за кровь рода я уже не могу, а вернуться домой не смею? И так мне захотелось увидеть варягов, словно нет для меня на свете людей дороже!

Как я буду мстить, я и не думал тогда. Бегу и одно твержу: только бы не уплыли, только бы не уплыли! В лесу сумрачно, лишь иногда сверкнёт солнечный луч, как меч, что Домовой мне оставил. Не знаю, может, это и был меч.

Наконец лес кончается, тропка ведёт полем в деревню. Я деревней бежать не хочу, вдруг встречу там эту добрую женщину? Что я ей скажу? Да и нельзя мне сейчас задерживаться. Бегу в обход деревни.

Вижу: над варяжской стоянкой дым поднимается. Обнадёжил он меня немного, может, думаю, не уплыли ещё! Выбегаю на берег, на косогор, смотрю: пусто, лишь костёр догорает. Глянул на реку, тоже пусто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.